

Владимир Кельт
Кирра Чайт

В ТУПИКЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Кельт

В тупике бесконечности

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кельт В.

В тупике бесконечности / В. Кельт — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Полицейский, по злему умыслу превратившийся из охотника в добычу.
Студентка, в чьи руки попал таинственный марсианский артефакт. Ученый,
чей секретный проект оказался первой ступенью лестницы в преисподнюю.
Их судьбы сплелись невообразимым образом. Их прошлое больше не имеет
значения, будущее – тоже. Все, что от них требуется – найти выход из тупика
в бесконечности. Содержит нецензурную брань.

© Кельт В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Егор	9
Глава 2. Егор	17
Глава 3. Татьяна	24
Глава 4. Егор	32
Глава 5. Лео	37
Глава 6. Татьяна	44
Глава 7. Лео	53
Глава 8. Егор	58
Глава 9. Лео	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Пролог

Лабиринт Ночи, планета Марс. 18 апреля 2119 год

Кто-то следил за ней. Холодный пронизывающий взгляд ощущался кожей и не сулил ничего хорошего. Старший археолог Ирина Самойлова зябко повела плечами и обернулась. Ветер трепал натянутый над раскопом тент, бурая пыль скользила по камням и оборудованию, в соседнем шурфе коллеги увлеченно о чем-то спорили – ничего необычного. И все же тревога не давала сосредоточиться. Липкое чувство накатывало каждый раз, как она спускалась в ущелье к месту раскопок. Возможно, дело в обнаруженной здесь могиле.

Разозлившись на себя за пустые переживания, Ира вернулась к работе. Уперев локоть в каменный выступ, она аккуратно, миллиметр за миллиметром, срезала лазерным скребком стружку с глыбы, похожей на шляпку гриба. Вездесущая пыль поднималась облаком и оседала на ткани скафандра, ржавыми пятнами липла к стеклу шлема.

За работой удалось окончательно успокоиться. Это всего лишь очередная могила без костей, команда Ирины находила подобное не в первый раз. Время спрятало в долинах Маринера десятки могильников, и каждый пустовал, подбрасывая загадок больше, чем можно вообразить. Главная из них – что случилось с марсианами? Древняя цивилизация оставила после себя погребенные под слоями реголита города и технологии, по уровню развития опередившие земные на века. Но ни разу за семьдесят лет исследований не удалось обнаружить останки марсиан. Как будто однажды они просто вошли в свои корабли-медузы и покинули планету, оставив ее красному песку. Всевозможные анализы грунта и материалов, из которых строились «муравейники» и гигантские сферы, о назначении которых до сих пор шли споры, не давали ответов.

Не так давно даже появилась гипотеза, что марсиане были бесплотными духами, но мало кто из ученых принимал ее всерьез. А для археолога первой категории, почти десять лет ведущего раскопки на Марсе, подобные мысли вовсе казались смешными. Прочитав статью Морисона в «Рэд Стар сайнс», Ира действительно смеялась. Вечер был занят перекидыванием между коллегами особо выдающихся перлов, после чего она взялась писать статью-опровержение. Поднялась шумиха. В итоге гипотезу эксцентричного ученого признали плодом богатого воображения, Ирина победила, впрочем, как всегда. Побеждать – было ее жизненным кредо. В своей жизни она проиграла лишь однажды: когда Лео назвал ее бурильной установкой, бросил на стол магнитный ключ и ушел.

Страхнув с рукава пыль, Ира потянулась, разминая затекшую спину. Песок мерно шелестел по тенту, иногда мелкие камешки глухо ударялись о балку и лупили полированную поверхность солнечной батареи. Ветер играл на свой лад: то стихал, то набирал силу до 15 м/с. В его завываниях слышалось что-то тоскливое и даже зловещее. Может, на сегодня закончить? Очередной день бесплодных поисков, ни на шаг не приблизивший к истине. Сколько их было? А сколько еще будет?

Тонкая нить лазера сняла еще один пласт породы, кусочек камня откололся, ударил в стекло шлема и отскочил в сторону.

– Проклятье! – в сердцах выпалила Ира и собралась было скомандовать: «На сегодня все!», как вдруг под рукояткой резака что-то слабо блеснуло. Неужели... Невозможно!

Она замерла и медленно убрала инструмент. По вискам стекали струйки пота, от волнения казалось, что нечем дышать. Аккуратно положив резак на стенд, Ира сняла с пояса кисточку. Прошла по кнопкам на ручке, задав настройки. Никакого поддува, никакого вращения ворса. Максимально аккуратно.

– Костя, дай свет! Мне нужно больше света!

За спиной послышалась возня.

– Что там, начальник? – пробасил Константин, оторвавшись от своего участка. Синий герметичный комбинезон с белой полосой вдоль позвоночника весь покрылся ржавой пылью.

– Кажется, останки, – взволнованно ответила Ира. – Думаю, что...

Договорить ей не дали. Слова утонули в радостных возгласах Джейн и Пита. Археологи засуетились, стаскивая дополнительные прожекторы к выкопанному шурфу, в котором сидела Ира. Пока коллеги занимались делом, она глаз не сводила с грязно-серого осколка, торчащего из камня. Крохотный, полмиллиметра, не больше. Однако в нем могли быть ответы, а главное – пригодная для исследований марсианская ДНК.

– Господи! Это невозможно! – воскликнула Джейн. – Если это действительно марсианин... Я даже думать об этом боюсь! Невероятно!

Костя поставил два прожектора. Пит, Джейн и Грэг с любопытством всматривались в пласт бурого камня, не решаясь спуститься в без того тесную яму. По лицам, прикрытым стеклами шлемов, Ира видела, что каждый из них готов отдать полжизни за возможность оказаться на ее месте. Что ж, профессиональная зависть – тоже чувство. Ира даже сама себе завидовала.

Кисточка прошлась по выступу. Нежно, словно лебяжье перышко.

– Это открытие станет настоящей сенсацией года, – прошептала Джейн.

– Бери выше, десятилетия, – с улыбкой поправил Пит. Оба светились от счастья и едва ли не ходили впрысдку вокруг раскопа.

– Может, вырежем пласт? – нетерпеливо предложил Пит чуть позже. – Пригоним экзоход и вырежем. В лаборатории Эллады проведем остальные работы и извлечем останки из камня. В полевых условиях есть риск потерять образец.

– Ира, подумай, – подхватил Костя. – У нас оборудование ничем не лучше ведра и лопаты! А в Элладе сделаем все, как положено.

– Нет, – отрезала она, глаза лихорадочно блестели. – С помощью ведер и лопат на Земле откапывали динозавров, а ты мне о лаборатории талдычишь! Обработаю участок вручную, извлеку из породы, и отнесем в модуль. Нужно убедиться, что перед нами марсианин, а не коготь ползуна. За работу. Живо!

Чтобы добраться до главной сенсации последних десятилетий, понадобилось почти девять часов. На красных, точно облитых кровью камнях четко выделялась серая рука марсианина: пятипалая кисть, с крупными узлами на фалангах пальцев, с длинными загнутыми когтями, похожими на орлиные. Лучевая кость была исчерчена узором из трещин. Ира отметила, что марсианская ладонь куда длиннее и шире человеческой.

– Что это? – Грэг подсветил лазерной указкой. Алая точка застыла между указательным пальцем марсианина и большим. – Он как будто держит что-то в руке. Джейн, посмотри, может, ты разберешься? Похоронные обряды – по твоей части. Ирина, – Грэг почтительно наклонил голову, – пусть она глянет.

Меньше всего сейчас хотелось подпускать кого-то к находке. Но Грэг прав. Под слоем пыли действительно угадывался какой-то предмет. Кивнув, Ира посторонилась, пропуская вперед тощую Джейн, затянутую в синий скафандр. Девушка склонилась над находкой, ее угловатые плечи выпирали под костюмом, как куриные косточки. Осторожно работая кисточкой с поддувом, она расчистила лишнее. Посеребренные узловатые пальцы марсианина держали кусок металлической пластины, расписанной техноглифами.

– Я бы сказала, что это нечто вроде «круга жизни», – резюмировала Джейн. – Но форма далека от круглой. Край неровный, просматривается явный скол, эта пластина сломана и прочесть техноглифы вряд ли удастся, если не найдем вторую половинку. Хотя... – Джейн покачала головой, будто прогоняя прочь мысли. – Нет. Вряд ли. Сейчас ничего не смогу сказать, надо для начала окончательно счистить камень.

– Маловато, – вздохнул Костя. – Маловато. Что скажешь, начальник?

Ирина улыбнулась:

– Пласт можно извлекать. Мы хорошо поработали, теперь отнесем находку в лагерь.

Когда они поднялись на поверхность, солнце уже спряталось за горизонтом. Густые сумерки опустились на Лабиринт Ночи, обрисовав темные расщелины, выходящие, словно черные реки. В сливово-сером небе застыли хмурые облака, похожие на гигантские линкоры, плывущие по несуществующим морям долин Маринера. Ира поискала взглядом купол Эллады – первого города людей на Марсе, – но не нашла. Слишком темно. Облака спрятали звезды, даже яркий Фобос не виден на небосклоне. Тревожное чувство снова стиснуло сердце. Ире казалось, что прямо сейчас кто-то прячется во мраке и наблюдает за ней и ее людьми. Кто-то невидимый скользит тенью среди скал, и смотрит как Пит и Грэг грузят в экзеход невероятную находку.

Глупости. Здесь никого нет. Они единственные живые существа в радиусе десяти миль, и самое ужасное, что может случиться, – это пылевая буря. К счастью таковой не предвиделось в ближайший месяц.

Полевой лагерь, где археологи три недели назад встали на стоянку, являл собою белый баббл-тент. Формой этот надувной комплекс копировал иглу – эскимосский дом из льда и снега. Такой же узкий вытянутый вход, такая же полукруглая основная зона. Баббл герметичен, пригодная для человека среда поддерживалась с помощью генераторов. Археологи прошли в узкую пропускную зону, позади с шипением закрылся шлюз. Когда свистящие струи пара кислородного дезинфектора прошли по скафандрам, Ирина наконец-то стянула ненавистный шлем. Каштановые волосы рассыпались по спине, она собрала их в пучок и принялась раздвигать распоряжения.

Не теряя времени, Грэг оставил бокс с куском камня и кистью марсианина за прозрачной стенкой анализатора. После чего с помощью манипулятора вынул находку – нельзя, чтобы туда попал кислород, неизвестно, как отреагирует на это артефакт. Возможно, обратится в пыль, так и не дав разгадать свою тайну.

– На сегодня хватит, – сказала Ира, устало опустившись в кресло перед анализатором. – Результаты получим к утру, расшифруем и отправим в «Центр».

Джейн и Пит встревожено переглянулись, однако не решились задать вопрос. Зато Костя не промолчал:

– Не боишься? Если в «Центре» прознают, то нас могут подвинуть. Думаешь, нам дадут копать здесь дальше, когда жадные до славы шишки из «Центра» тоже не прочь запустить сюда лапы?

Усталость как рукой сняло. Ира подобралась, мертвой хваткой вцепилась в подлокотники пластикового кресла.

– Я. Этого. Не позволю. Пусть делают, что хотят, я готова отстаивать НАШУ находку и НАШУ команду. Если нужно, буду трубить об этом на всю Федерацию! Полечу на Землю, решу вопрос в правительстве, в лепешку расшибусь! Но ни один толстосум или «раскрученный» ученый не ступит в Лабиринт Ночи!

Аплодисменты прокатились под куполом лаборатории. На лицах археологов сияли улыбки, в глазах горела надежда.

– Узнаю нашу Ирину! – усмехнулся Грэг. – С ней хоть под землю, хоть на Землю, хоть в открытый космос без скафандра! Не волнуйся, дорогая леди-босс, мы во всем тебя поддержим. Как всегда это делали.

Слова Грэга звучали столь искренне, что у Ирины защипало в глазах от слез. Она поспешила встать с кресла и отвернуться, чтобы коллеги не заметили минутной слабости.

– Спасибо, Грэг. Спасибо всем вам. А теперь отдыхать, завтра будет тяжелый день.

Один за другим археологи скрылись за перегородкой спального отделения, вот только Костя уходить не спешил. Стоял возле анализатора и скреб пальцами посиневший от щетины подбородок. Мертвенно-белый свет люминесцентных ламп падал на его лицо, очерчивая строгую линию скул.

– Почему не идешь отдыхать? – спросила Ирина.

– А ты? Осталась здесь, чтобы связаться с ним, да? Хочешь рассказать Бестужеву о нашем открытии? – он презрительно скривился, в глазах читалась обида. – Не делай этого, Ира. Разве ты не видишь, что этот твой Леонид Бестужев...

– Не твое дело.

– Не-е-ет. Как раз мое. Наше, если ты не поняла. Лео – не один из нас, – Костя шумно выдохнул, имя Леонида из его уст прозвучало как ругательство. – Он тебе не пара. Посредственный ученый. Слабак, землянин.

– Он такой же профессионал, как все мы. Лео заслужил.

– Купил, – выплюнул Костя. – Купил статус. И тебя купил.

Ира резко развернулась на пятках и ткнула пальцем в сторону заслонки спального отделения.

– Вон отсюда. Я не собираюсь выслушивать того, кто говорит как обиженный подросток. Уходи, – голос звучал ровно, она знала, что бесстрастные фразы бьют куда сильнее криков.

Ничего не ответив, Костя вылетел из лаборатории, даже свой шлем забыл на столе. Обессиленная и расстроенная, Ира рухнула в кресло. Какое-то время она сидела неподвижно в безразличной тишине лаборатории, глядя на скрюченную ладонь марсианина за стеклом анализатора. Пальцы с мощными когтями крепко сжимали загадочную металлическую пластину, и та слабо светилась, будто облепленная светлячками. Больше всего на свете Ире сейчас хотелось двух вещей: дождаться утра, чтобы расшифровать данные, и услышать голос Лео. Не колеблясь, она достала свой коммуникатор и положила на стол. Выскользнула голограмма с заставкой, где на фоне океана улыбался темноволосый мужчина с черными, будто уголь, глазами.

Гудок. Еще один. Голограмма подернулась рябью помех и осталась неподвижной.

– Ну же, Лео... Ответь.

Тишина.

Решив, что Бестужев, как обычно, пропадает за работой в своей лаборатории, Ирина сделала снимок кисти марсианина, и отправила сообщение: «Я всегда знала, что разгадаю эту тайну!». Лео будет рад за нее... Да он с ума сойдет! Теперь он поймет, как ошибался, говоря, что она загубит свою карьеру, гоняясь за призраками.

Довольная собой, Ира убрала коммуникатор в карман. Завтра наступит новый день. Завтра она сможет прикоснуться к тайне древних марсиан, и, конечно же, услышит милый сердцу голос.

Завтра...

* * *

Рассвет набирал силу. Бледные лучи солнца пытались разогнать сумерки, неуверенно касаясь ущелий и кратеров Лабиринта Ночи. В расщелинах осел туман – плотный, словно вата. Он тянулся мутной пеленой по кирпично-красным скалам, скользил по багровой потрескавшейся земле в поисках чего-то ведомого только ему.

Одинокий солнечный луч упал на траншею раскопок. Оборудование стояло там, где его оставили; резаки и сканеры лежали в ящиках нетронутыми, робот-экзоход за ночь покрылся ином. Вроде бы ничего не изменилось... Вот только шурф, где вчера работали археологи, оказался завален камнями.

Солнце поднималось выше, постепенно окрашивая небо в лилово-серый. А туман крепчал. Белый баббл-тент совсем потерялся в его стылом дыхании. Туман скользил щупальцами по его стенам, прося впустить, а рассвет стучал в шлюз тента, нашептывая о новом дне. Но никто им не отвечал, потому как некому было ответить.

Для археолога Ирины Самойловой и ее команды утро не наступило.

Глава 1. Егор

Метроплекс Москва-Сити, планета Земля. 28 мая 2119 год

Зря он приехал сюда в одиночку. Стоило дожидаться ребят из «второго», или хотя бы запросить подкрепление в местном отделении. Но у Егора не было времени на утряску бюрократических проволочек. Информатор сказал ясно: торопиться нужно было еще вчера. Но можно попытаться успеть сегодня: след свежий, и, если верить Хамелеону, цепочка приведет аккуратно к цели. Другое дело, что звенья цепи в нескольких местах разорваны.

Егор съехал с эстакады и повернул к закрытой зоне, где одиноко горела табличка: «Въезд запрещен». Колеса черного внедорожника тихо зашелестели по присыпанной гравием дороге. Егор напряженно всматривался в полумрак, окутавший недостроенные высотки эконом-класса. Некоторые из них были готовы к сдаче и пялились в ночь сквозь темные очки стекол. Другие напоминали детские кубики, составленные друг на друга в башни. Бестужев взглянул на часы: сорок минут первого, а кругом кипела работа: похожий на жирафа подъемный кран закидывал на каркас блоки, только что отпечатанные в передвижном комплексе, роботы-погрузчики перетаскивали поддоны и складировали в замысловатую пирамиду. Здание росло буквально на глазах, и Егору подумалось, что посиди он в своем «Tesla patriot» часок-другой, то увидит, как в дом заедут первые жильцы.

Из полумрака выехал огромный самосвал ETF. Тяжело фыркнув, он остановился, преградив дорогу. Из кабины, размером с вагон поезда, высунулся усатый мужик в белой каске.

– Сворачивай! – заорал мужик во все горло. – Ослеп, что ли? Табличка для тупых висит? Давай! Проваливай на хрен, пока полицию не вызвал!

– Я уже самовывозился, – проворчал под нос Бестужев и выкрутил руль.

Сообщать всей стройбригаде о том, что на площадку нагрянул сотрудник отдела по борьбе с незаконными модификациями, в его планы не входило. Дождавшись, когда ETF с грозным ревом скрылся в ночи, Егор вернулся. Ехал с выключенными фарами, держась темных зон, чтобы лишний раз не нервировать работяг.

И что дальше? Информатор выразился довольно расплывчато: «Стройка между Роговским и Калужским дистриктами, где клепают скворечники для нищелюбов. А в каком именно скворечнике – да бог его знает. Наверняка, в самом модифицированном, с большими ушами. Или что там в нелегалшине пришивают?».

Егор огляделся по сторонам. «Если бы я хотел разместить здесь лабораторию, то где именно?» – он почесал под подбородком, механически отметил, что пора бы побриться. Гениальных идей не появилось... А ведь он помнит это место. В детстве они втроем – он, отец и Лёня как-то приходили сюда порыбачить. Отец в то время работал по контракту в Москве, и мальчишки на пару недель приехали к нему на каникулах. Тут было не то озеро, не то пруд, не то лужа какая – но по слухам в ней водились караси. У Бестужевых была двухместная палатка, в которую они укутнулись втроем, так что кто-то один входил только наполовину. Тогда они поделили ночь на три части, и каждый в свою треть ночевал туловищем внутри, а ногами снаружи. Смена Егора была под утро. Он как-то умудрился уснуть, а проснулся от холода. Выглянув, увидел, что выпал снег – это в конце мая-то! И все же белая крошка действительно присыпала палатку и траву, а озеро казалось стеклянным.

А теперь между Роговским и Калужским дистриктами метроплекса кипит строительство. То озеро и поле придавили сталью, бетоном и стеклопластиком. Битва идет за каждый квадратный сантиметр. Полететь на Марс, где полно свободного пространства по плечу не каждому, без модификаций о красной планете можно только мечтать. А озера все же жаль. Хотя там и карасей не оказалось – все одно, жаль.

Мимо прогрохотал еще один гигантский ЕТФ. Свет фар мазнул по стенам домов, на миг выхватил из мрака стоящий на отшибе недострой и скрылся из вида. Егор заглушил двигатель. В памяти всплыло что-то неясное, бесформенное. Какая-то зацепка... Он мысленно построил цепочку: озеро, самосвал, стройка... Карта. Точнее, план объекта, который Егор изучал по дороге сюда. Что-то на плане было не так.

Коснувшись стальной дуги за ухом, Егор включил IP-ком. Через секунду перед ним раскинулась карта дистрикта с описанием будущего квартала, фирм застройщиков и владельцев домов.

– Тэкс-с-с, что тут у нас? Не то... Не то... Опять не то.

Движением глаз он пролистывал проектную документацию, пока в мозгу не зажглось: «Вот оно!».

На двух схемах вид отличался. На план-схеме от февраля 2118 года был объект № 445В, а на план-схеме от апреля 2119 – на его месте появился парк «Межпланетного единства». Чужая, что близок к разгадке, Егор загрузил список застройщиков и владельцев домов по данным на февраль и апрель. Сравнительный анализ выдал: «Проспект Новая Интернациональная, дом 445В. Владелец Николай Смирнов. Скончался 10 октября 2118 г. в возрасте 110 лет; Новый владелец не определен. Права на недвижимость в судебном производстве».

– Ясно, – улыбнулся Егор и отключил IP-ком.

Гражданин Смирнов не оставил завещания, прямых наследников нет и родственники грызутся в суде. Раз так, то вскоре здание отойдет метроплексу, тогда здесь точно наведут порядок. А пока самому придется разгребать. Если территория ничья, то там обязательно заведется гниль, например, подпольная лаборатория генных модификаций, о которой говорил Хамелеон.

Егор решительно вышел из машины и поспешил к темной башне недостроя. Прохлада весенней ночи настойчиво лезла под ворот куртки, потянуло промозглым ветром, какой обычно гуляет между домов.

Внутри здание выглядело таким же мрачным, как и снаружи. Переключив зрение в режим ночного видения – стандартная модификация, применяемая в отделе – он огляделся в поисках строительного подъемника. Ступени лестницы были засыпаны мусором, у стен скопились пожухлые прошлогодние листья. Складывалось впечатление, что нога человека не ступала здесь как минимум год.

Краем глаза Егор уловил движение справа. Там, где начиналась лифтовая шахта.

С глухим щелчком биометрический ПМ выскочил из кобуры и сам влетел в руку. Индикатор на рукоятке мигнул – оружие считало данные владельца, предохранитель снят. Егор сделал шаг к шахте.

– Бестужев, ты чего сюда поперся? – раздался в наушнике голос Димки.

От неожиданности Егор вздрогнул. В этот миг из шахты стремительно выскочила тень. Зашипела, выгнула спину, и нырнула в подвал через отвод для вентиляции.

Кошка. Всего лишь кошка.

– Бес, ты меня слышишь? – не унимался Дима Кротов, и Егор обругал себя за то, что не перенастроил коммуникатор.

– Дим, ты не вовремя, – шепнул он.

– Если подождешь минут пятнадцать, то буду вовремя. Мы как раз сворачиваем к Роговскому дистрикту. Надеюсь, ты не собираешься брать этих засранцев в одиночку?

– Нет. Только проверю здание.

Судя по затяжному молчанию, Кротов не поверил ни единому слову.

– Бес, – наконец сказал он, – давай без геройства. Я ведь знаю, как это бывает: пес взял след и уже не может остановиться. Так ведь?

Егор пожал плечами:

– Ага. Фас!

И отключил связь.

К сожалению подъемника не нашлось. Зато лестница в подвал, куда с невероятной прытью дернула мохнатая тень, буквально усыпана следами. Их было немало, они наступали друг на друга, давили, стирали. В них явно проступала вонь лабораторного гидробензоната, наногеля и кислоты для проводников. Егор повел носом, улавливая запахи, среди которых различались людские: горькие и кислые, замшелые и резкие, приторные, мускусные, соленые. Но все они были застарелыми. Пульс у него участился, тело бросило в жар – обычное дело при обработке следа. Он пытался сконцентрироваться, но мешал свежий запах крови. Это все кошка. Чертовка придушила крысу и бросила недоеденной в шахте.

Снова уловив лабораторию, Егор рванул вниз по лестнице. И будто бы нет Егора Бестужева, а есть овчарка, отрабатывающая команду. Отчасти так оно и было. Полицейские отдела БНМ подвергались весьма специфичным генетическим модификациям.

Подвал оказался глубже, чем он думал. Перепрыгивая через ступени, Егор мчался вниз. В какой-то момент след ослаб, а потом и вовсе растворился в вонючем облаке хлорки. Резко остановившись, Егор оперся о стену. Виски ломило, в груди клокотало, как в жерле вулкана. Все. Нюх отбило. Кто-то из обитателей недострой явно недолюбливает ищеек и позаботился о прикрытии, сдобрив подвал хлором и распылив газ для очистки.

Егор оказался в длинном коридоре по обе стороны которого тянулись двери комнат. У стены напротив третьей двери стоял зеленый большой бак и больше ничего.

В левую ладонь лег второй пистолет. Задержка в три секунды – отметил Егор, надо бы настроить. Он вихрем пронесся по коридору, проверяя скрытые за дверными проемами комнаты. Пусто. Пусто. Пусто.

В двенадцатой комнате обнаружилась лаборатория. Вернее то, что от нее осталось. Металлические стойки, с которых сняли оборудование, заляпанная кровавыми пятнами медицинская кушетка, а рядом еще пять коек – чистые, застеленные пленкой. На полу бесформенной массой валялись провода, пакеты с какой-то жидкостью и оброненный в спешке скальпель. В углу работал генератор, судя по всему, тащить с собой машину преступники не решились. Выдохнув, Егор опустил руки и разжал пальцы – пистолеты плавно вернулись на свое место, клацнули застежки кобуры. Егор осмотрел кушетку: кровь походила на пятна ржавчины, значит, с момента бегства черных медиков времени прошло предостаточно. А судя по размытым запахам при входе в здание, они покинули лабораторию задолго до того, как Егору о ней рассказал Хамелеон. Не мешало бы прижать этого слизняка как следует, чтобы впредь думал своей лысой башкой, прежде чем раскидываться устаревшей информацией.

Надев перчатки, Егор принялся осматривать остальные кушетки и опустевшие шкафы. Шелестел пленкой, проверял каждый металлический штырь, стойку и провод. Нюх не возвращался. Ждать восстановления минимум час, так что приходилось во всем полагаться на зрение, и интуицию. Слабое обоняние, которым наградила природа от рождения, Егор в расчет не брал – все равно кроме хлорки ничего не чувствовал.

Он обходил лабораторию по второму разу, когда наткнулся на запаянный пакетик с горсткой коричневатой травяной смеси. Присел на корточки, вскрыл пакет и взял щепотку. Растер пальцами, понюхал. Не наркотики и не табак, хотя сходство с последним определенно имелось: резкий тягучий запах, янтарные волокна сухого листа, легко превращающиеся в труху. Егор высыпал траву обратно и сунул пакет в карман.

На вызов Дмитрий Кротов ответил сразу же, его веснушчатое лицо заняло почти весь экран коммуникатора. Рыжие курчавые волосы торчали завитками и блестели от геля, по подбородку расползлась редкая золотистая щетина, которая абсолютно не красила Димку. Напарник упорно пытался отрастить бороду, мол, так брутальнее, но каждый раз та походила на клоча шерсти плешивого пса. А модифицировать не хотел, и Егор подозревал, что для Димки это дело принципа.

– Дим, отбой, – сказал Егор. – Тут пусто, лаборатория съехала как минимум вчера вечером. Я вызвал криминалистов, теперь это их работа.

– Отбой? Да мы как бы уже на стройплощадке... Ладно, отправлю спецназ обратно. Ты где находишься? Хочу на лабу глянуть.

– Небоскреб-заброшка, номер четыреста сорок пять Вэ. Только без фильтров не заходи, тут все в хлорке, еще и газ распылили.

– Понял. Буду ждать тебя внизу, – ответил Дима, экран коммуникатора погас.

Провести полночи в отделе за бюрократическими пытками Егору не улыбалось. Он не спал уже третьи сутки, зверски устал, тайком грезил о койке с подушкой, и хотел, чтобы побыстрее вернулся нюх. Поднимаясь по бетонным ступеням он думал о том, как завтра поедет домой, в Питер. Последний раз он навещал родителей в канун Нового Года. Тогда Санкт-Петербург горел огнями разноцветных гирлянд и лазерных снежинок, с голограмм на фасадах домов подмигивали Снегурочки, улыбались бородатые Морозы в синих шубах. И те и другие тискали умиительно пушистых кроликов или котят – символ наступающего 2119 года. «Традиции – это нить, которая связывает людей вместе и не дает рассыпаться подобно бусинам по болоту», – говорил отец.

Однако в последнее время с традициями у Егора не складывалось. В тот вечер он заехал к своим на Площадь Мужества, поздравил второпях, выпил с отцом по стопке и рванул обратно в Москву. Расследование дела о незаконном применении нанотека поглотило его без остатка. Завтрашний семейный ужин – отличный повод исправить давнюю оплошность, и Егор в красках представлял, как сестренка радостно кинется на шею, как отец будет ворчать на вечную занятость, а мать побалуует очередным кулинарным шедевром. Брат тоже обещался завтра быть... Егор вздохнул. С недавних пор брат больше не Лёнька Бестужев, а новый марсианин Лео.

Лелея мысли о встрече с семьей, Егор поднялся в вестибюль, как вдруг в сознании что-то дернулось, треснуло, расплылось. Нечто необъяснимое; нечто, за что его считали лучшим из ищек, заставило остановиться.

Бак в коридоре. Егор не осмотрел его как следует. Надев на этот раз маску, чтобы ненароком не надышаться парами, он вернулся в подвал, подошел к баку. Высотой в половину человеческого роста и в диаметре метра полтора, он был закрыт металлической крышкой. Подняв оную, Егор заглянул в бак и криво усмехнулся: элементарно, Ватсон: в жидкости лежал полурасстворившийся труп. Скорее всего, это H_2SO_4 ¹, и судя по тому, что кислота стала цвета чайной заварки, тело здесь маринуется минимум двенадцать часов. Сходу было сложно определить пол и возраст жертвы, но одно ясно наверняка: о поездке в Питер придется забыть.

* * *

Остаток ночи Егор провел в отделе БНМ на Автозаводской – занимался отчетами и прочей волокитой. Отснять материал, загрузить в сеть, пробить по базе, снова загрузить. Одним словом, морока. Писанину он не любил, уж лучше сутками бегать «в поле», чем протирать штаны в кабинете, пялясь на голограммы. Только с рассветом удалось немного покемарить, свернувшись на диване, что стоял в углу их с Димкой рабочей конуры.

Недолгие минуты, которые Егор назвал бы бледной тенью сна, были прерваны шумом. Из коридора и соседних кабинетов доносились громкие голоса, стук дверей, смех, брань, разговоры по делу и ни о чем. Отдел просыпался, оживал, наполнялся духом и силой тех, кто несет службу на благо Земной Федерации. Лучи солнца горели огнем на шпиле, венчающем башню, где располагался БНМ, придавая ему сходство со стрелой, несущейся в бесконечность.

¹ Серная кислота

Запах кофе и корицы Егор уловил задолго до того, как дверь распахнулась, и в кабинет вошел Дмитрий Кротов. Напарник поставил пухлый бумажный пакет и два стаканчика кофе на стеклянный стол, где мерцала трехмерная карта метроплекса. Затем щелкнул по сенсорной панели – окно посветлело, впусив пульс и ритм утреннего города.

– Хотя немного успел поспать? – спросил Дмитрий, шурша пакетом в попытке достать бутерброд.

– Неа, даже полчаса выкроить не получилось. С отчетами промучился, а толку никакого, скорее всего, опять ошибок наделал. Как оно все дорого... Мне к вечеру позарез нужно быть в Питере, обещал своим, что отложу все дела.

– Обещания нужно выполнять. Не переживай, сейчас проверю отчет и где надо подправлю, успеешь в свой Питер, – Кротов еще не договорил фразу, а голограмма с ночными сочинениями уже парила рядом. – М-м-да... – протянул Димка, глядя на изображение миловидной блондинки с острыми скулами, короткой стрижкой и васильковыми глазами. – А вот и наша красотка, любительница принимать кислотные ванны. Что американская журналистка Валери Соларес забыла в черной лаборатории? Дай-ка угадаю: вела журналистское расследование?

– Ага. О том, какие голо очки подойдут к красному платью и зеленой сумочке, – усмехнулся Егор. – Читай внимательнее, капитан. Она вела модный стим-фан на канале «Bay!» в Лос-Анджелесе. Потом вдруг бросила работу, около года о ней ни слуху ни духу, а два месяца назад Соларес объявилась в Москве.

Хлебнув кофе, Дмитрий спросил:

– Может, хотела добавить веснушек на носике, да очурилась на операционном столе?

– И все так перепугались, что законопатили ее в бочку и сбежали со стройки? – спросил Егор, жуя бутер с ветчиной из мод-белка. – Брось, не думаю, что у этих шарлатанов она первая или последняя умершая пациентка. Они ведь врачи в последнюю очередь.

– Какого хрена она вообще приперлась оперироваться в Москву еще и к черным модификаторам? Ближе к Лос-Анджелесу легальных клиник не нашлось?

Бутерброд заставил Егора окончательно проснуться. Он вдруг понял, что зверски голоден и принеси напарник вместо еды гвозди – и те пошли бы в ход.

– Может, она не на операцию приезжала. Сейчас пойду к Эдуардовне, узнаю причину смерти Соларес, – пробубнил он с набитым ртом. – На тебе разговор с американской родней журналистки.

Дима недовольно пригладил рукой колючие от геля рыжие волосы. Егор понимал, извещать родственников о смерти американки – то еще удовольствие. Но что поделать, это часть работы.

– Потом надо будет осмотреть гостиничный номер. Может, там удастся нарыть что-нибудь полезное, – сказал Егор, поспешно надевая куртку. Темно-серая ткань с черными пластинами на груди и плечах плотно прилегла к телу, застежки тихо клацнули. На груди вспыхнул номер: 36489, шеврон и часы на запястье синхронно мигнули и загорелись оранжевым светом. Егор полез в карман за коммуникатором, однако вместо устройства пальцы наткнулись на что-то мягкое. Пакет! Тот самый, что валялся на полу в лаборатории... Тот самый, что нужно было отдать криминалистам на анализ. Твою ж налево! Глядя на сверток с сушеными травами, Егор понимал: эта оплошность – простая забывчивость, вызванная усталостью, – дорого ему обойдется.

– Что у тебя там, Бес? – спросил Кротов, пристально глядя на пакет.

Секунду-другую Егор колебался, решая: стоит ли спрятать пакет обратно в карман и промолчать, или лучше признаться в ошибке? У ищеек не принято врать друг другу, потому как напарники – братья, связанные чем-то большим, нежели генетика. Родились в один год, получили идентичный набор модификаций, мыслили почти одинаково. Они с Кротовым даже

внешне были похожи: оба высокие, широкоплечие, поджарые, как гончие. Иногда их путали на улице, хотя Егор не понимал, как можно спутать рыжего с блондином? Скорее всего, дело было в форме. Для граждан Федерации люди в форме все на одно лицо.

– Нашел вчера в лаборатории, – выдохнул Егор. – Совсем про него забыл, если честно.

Дмитрий взял пакет, раскрыл, шумно втянул ноздрями запах трав, но ничего не сказал. Доложит в Комиссариат? Обязан доложить. Конечно, никто не станет подозревать майора Бестужева в попытке скрыть улики или в подтасовке, дело в другом. Федерация заботится о своих гражданах, здоровье физическое и психическое превыше всего. Если полицейский настолько вымотался, что упускает важное, то его отправят отдыхать минимум на двое суток, а то и на неделю. Три внеочередных отпуска за год – и комиссия поставит вопрос о профессиональной пригодности, порекомендует новый пакет модификаций или подыщет работу попроще. Если так называемый Конец света – не глупая выдумка людей прошлого, то для Егора Бестужева он начнется в момент лишения звания.

– Отдам в лабораторию. Скажу, что держали у себя для занесения в базу, – кивнул Дима и положил пакет на стол. – У тебя и так дел по горло, еще в Питер надо ехать.

– Спасибо, – он подмигнул напарнику: – У тебя в закромах булочек случайно нет? Как Эдуардовна любит – с корицей.

С видом фокусника Кротов достал из ящика стола бумажный пакет и протянул Егору.

– Для себя покупал. Но ради Терезы готов умереть голодной смертью.

Они обменялись ухмылками, и Егор вышел.

В южное крыло, где находились морг и хранилище улик, он шел заметно повеселевшим. На белоснежных стенах длинного коридора горели голограммы, с которых улыбались счастливые граждане метроplexа, благодарящие полицию за порядок на улицах и спокойный сон. Возможно, это всего лишь часть пропаганды, но каждый раз при виде роликов Егора распирала гордость за родной отдел. Он четко знал, почему носит форму. Войны, теракты, массовые убийства и казни остались в далеком прошлом Земли. В то время человечество дошло до кровавой черты, за которой не было ничего, кроме хаоса и гибели. И все же люди остановились. Нашли в себе силы измениться и построить светлое будущее. Во многом благодаря модификациям и нанотеку. Хотя Егор был уверен, что без доблести, чести и желания нести справедливость не сработало бы никакое купирование агрессии. Теперь задача полиции – беречь мир, как сокровище, как благодатный дар, и сделать его крепче, чем когда-либо.

За стальной дверью с маркировкой «В-12» находилась своего рода Terra incognita². Не каждой ищейке позволялось совать сюда нос, хоть увешайся пропусками и выписками. Морг – царство, где правит Ее Величество главный коронер, Тереза Эдуардовна.

– Кого принесло в такую рань?! – взревела Эдуардовна откуда-то из-за перегородки. – Смена только началась, а уже прутся! Все отчеты смотрите в базе, нечего покойников руками мацать! Мокрогузов, если это ты...

Егор кашлянул в кулак. За перегородкой стихло.

Тереза Эдуардовна выплыла навстречу подобно айсбергу – такая же холодная и необъятная. Коронер была высоченного роста, с пышными формами, обтянутыми белым комбинезоном с синими вставками и манжетами. Где у Эдуардовны заканчивался живот и начиналась грудь – вряд ли кто-то мог определить на глаз, столь круглой она казалась на вид.

– Майор Бестужев, – смутилась Эдуардовна и откинула за спину тяжелую пшеничную косу. – Хоть бы голос подал, а то я чуть в бой не ринулась. Еще немного и покусала бы своего любимого следователя.

² лат. – неизвестная земля; перен. – недоступная, непостижимая область

– Ну, зачем вы так, Тереза Эдуардовна? – улыбнулся Егор и протянул сверток, который прятал за спиной. – Я зашел пожелать доброго утра. Вот, булочек принес. Ваши любимые, с корицей.

Эдуардовна засияла, на пухлых щеках прорезались ямочки.

– Э-э-эх... Егорка, Егорка... Умеешь порадовать тетку. Будь я на тридцать лет моложе, приударила бы за тобой.

– Тереза Эдуардовна, вы прекрасно выглядите. Не будь вы замужем, я бы сам за вами приударил.

– Лысец! – рассмеялась Эдуардовна и положила булочки в ящик стола. – Ты по поводу той журналистки, Валери Соларес?

– Ага.

Эдуардовна взяла со стеклянной полки коммуникатор и повела Егора за перегородку. В голосе коронера не осталось недавнего меда, тон наполнился стальными нотками, какие обычно звучат в голосах профи своего дела.

– Жертва Валери Соларес, зафиксированный в документах возраст – пятьдесят три года. Биологический возраст с учетом модификаций – тридцать два. Кроме стандартных генетических наборов она дважды использовала омолаживающие пакеты модекс. Биочип на месте, но сильно поврежден.

– Удалось определить причину смерти?

– Ох, и задачку ты мне подбросил, Бестужев! – всплеснула руками Эдуардовна. – Пока извлекли из чана то, что осталось от несчастной, промыли и обработали, я думала, что помру от усталости. С органами и мягкими тканями там совсем плохо, а вот кости...

Слова доносились до слуха Егора и накрепко отпечатывались в памяти. Пролистывать электронные отчеты он не любил, потому как цифры и образы не заменят реальной картины. Он смотрел на стальной стол, застеленный белоснежной простыней, на которой лежали посеребренные, а местами обугленные кости. Каждая отдельно друг от друга, но в тоже время они являли собою целостную картину как в анатомических атласах. Он внимательно следил за руками в черных латексных перчатках, когда коронер показала едва заметную трещину на черепе жертвы и борозду на третьем ребре справа. Такую глубокую борозду с обожженными краями мог оставить только лазерный нож.

– Соларес избили и пырнули ножом, – говорила Эдуардовна. – К сожалению, кислота изрядно мешает определить, когда именно это было. В биочипе записей о давних травмах нет. Скажу точно, что это случилось не годы назад, совсем свежее.

Коронер водила пальцем по костям покойницы как по карте, указывая Егору путь. Сможет ли он разобрать дорогу и найти убийцу? Нож такого типа классифицировался как «бытовой», таких полно на полках магазинов, но это не значит, что ему не найдется места в лаборатории.

– Значит орудие убийства – нож?

Эдуардовна развела руками.

– Не исключено. Но в отчете причиной смерти укажу многочисленные химические ожоги несовместимые с жизнью.

– Время смерти?

– Биочип отключился 26 мая в 23:02.

– Тереза Эдуардовна, Валери Соларес почти год вела тихий образ жизни, возможно, лежала в клинике, ставила новые улучшения или опять омолаживалась. Что с ее модификациями?

Эдуардовна многозначительно кивнула.

– А вот тут, мой мальчик, начинается самое интересное. Чип поврежден, но я кое-что наколдовала. Так вот, Валери Соларес действительно лежала в клинике... В нелегальной клинике, где полгода назад ей удалили все модификации, а заодно подправили биочип.

Из морга Егор вышел ошарашенным. Зачем удалять модификации? Никто не делал подобных глупостей по собственной воле, по назначению врача – пожалуйста. Бывает так, что требуется замена пакета модекс, или может возникнуть конфликт с новым улучшением, вот и случается досадная необходимость. Но чтобы самостоятельно... Отказаться от молодости, красоты и долгой жизни? Вернуть притупленность органам чувств и уму? Егор потрянул головой. Нет, подобного ему не понять. Он никогда бы не расстался со своими улучшениями.

Когда лифт уносил Егора на восемнадцатый этаж, в кармане тихо завибрировал коммуникатор. В верхнем правом углу поля зрения появилась физиономия Кротова. Покосившись на мнувшихся в лифте патрульных, Егор достал коммуникатор и перевел изображение на дисплей.

– Есть новости по траве из лаборатории, – начал Дмитрий. – В составе родиола, семена черного паслена, кора аржуна терминалии, расторопша и цикорий. Это из земных трав.

Егор поперхнулся воздухом.

– А были еще не земные?

– Да. *Sporum redatta*³ – редкий грибок, найденный в марсианских пещерах. Та еще дрянь. Я бы таким баловаться не стал.

– Для чего снадобье? Штырит или вырубает?

– Вроде как печень лечит.

– Кто в наше время лечится травами? – удивился Егор.

Кротов пожал плечами:

– Любители экзотики, наверное, или какие-нибудь сектанты. Но главное не это. Бес, благодаря марсианскому грибку составчик у снадобья уникальный, во всей России только в трех местах можно заказать. Одна точка в Москве и две в Питере. С чего начнем?

³ Штаммы гриба рода *Sporum redatta* являются токсичными патогенами, распространены в пещерах Марса, в основном на плато Большой Сирт

Глава 2. Егор

Метроплекс Санкт-Петербург, планета Земля

Стоило Бестужеву войти в квартиру, как с радостным визгом на шею бросилась сестра. Звонко расцеловала в обе щеки, измазав помадой, и повисла на нем как обезьяна. Сегодня у Наташи были длинные зеленые волосы и оранжевые ресницы. Хотя бы цвет кожи обычный, а не серебристый. И на том спасибо. Натка так часто меняла образы, что Егор уже забыл, какая она настоящая.

Будто уловив его мысли, сестра отстранилась и резво покрутилась на месте, чтобы он мог увидеть ее во всей красе. Новый образ дополняли зеленые лосины и фиолетовый балахон, едва прикрывающий широкие бедра. Почему-то сейчас сестра раздражала. Может, виной тому очередная бессонная ночь или воспоминание о мертвой женщине в покинутой подпольной лаборатории, но Егор вдруг заметил, что Наташа выглядит нелепо. Эта гримаса маленькой восторженной девочки на взрослом лице и бесконечные эксперименты с цветом глаз, волос и кожи – одна сплошная нелепость.

Нелепость. И больше ничего.

– Что у тебя на этот раз? – холодно спросил Егор, глядя на сестру сверху вниз. – Слет кикимор?

Оранжевые ресницы обиженно дрогнули. Сестра надула губы и, помолчав, ответила:

– В «Тарантуле» биеннале в честь дня рождения Поля Гогена.⁴

– И для этого необходимо выглядеть пугалом? Увидев тебя, Гоген точно сбежит.

Сестра хохотнула:

– Не сбежит – он двести лет как умер.

Егор почувствовал себя профаном.

– Егорушка, что ты привязался к девочке? – раздался из комнаты голос мамы.

– Девочке? Я в ее годы охранял улицы от всякой мрази, – сказал он резче, чем хотелось.

– Ну-у-у, пошло-поехало, – закатила глаза Ната. – Начал, как выставочный кобель медалями трясти.

– Наташа!

Мама – невысокая, полная – появилась из комнаты, держа в руке коробку с фамильным столовым серебром. Увидев ее, в очередной раз омолодившуюся и выглядевшую ровесницей двадцатилетней дочери, Егор вспомнил про спрятанный за спиной букет цветов. Торжественную часть он безнадежно испортил, поэтому смущенно протянул матери букет. Она расплылась в улыбке, и взяла свободной рукой цветы. Егор отметил, что в этот раз с подбородком ей нахалтурили.

– Герберы, – сказала с теплотой. – Мои любимые.

В ее глазах тут же появилась тревога:

– Сынок, ты выглядишь замотанным. Проблемы на работе? Что-то случилось?

Егор улыбнулся:

– Моя работа и есть «что-то случилось».

Мама покачала головой. Краем глаза он видел обиженную сестру. Она прислонилась к стене, глядя на него исподлобья. Вообще-то для Натахи тоже имелся подарок, но дарить его не было настроения. Момент упущен. Егор снова вскипел, на этот раз злился на себя: чего напустился на сестру? Похоже, самое время взять отпуск и смотаться на море. Например, в тот славный кемпинговый лагерь для серфингистов в Португалии, где они были три года назад с

⁴ Поль Гоген – Французский живописец, скульптор-керамист и график.

Ирой. Она тогда ненадолго прилетела с Марса и сказала, что устала от красной пыли. В голове и сейчас звучал ее голос: «Хочу воды. Много. Чтобы вокруг только вода и я на тонкой доске».

– Ну, что же мы у порога встали? – спросила мама. – Егор, Ната, заходите в комнату.

После чего крикнула вглубь квартиры:

– Валера, заканчивай разговор! Дети уже пришли!

Пауза, хлопок закрывшейся двери. Важный разговор.

Сколько Егор себя помнил, отец всегда пропадал на работе. Он был для детей недосягаемым божеством: долгое время они воспринимали его как изображение улыбающегося дяденьки в коммуникаторе. Мать говорила, что он далеко и занимается проектами, которые должны сделать мир лучше. Егор сблизился с ним уже в подростковом возрасте. А вот брат Лёня до сих пор держался, как чужой.

Егор зашел в гостиную. Посередине был накрыт стол, сервированный фарфором и тем самым фамильным серебром. По панелям на стенах шла рябь: система «Умный дом» работала в спящем режиме. В прошлом году они всей семьей сбросились и подарили маме на день рождения эту приблуду. Теперь достаточно выбрать программу и можно завтракать на балконе над kloчущим водопадом, обедать в ресторанчике с видом на Эйфелеву башню, ужинать в джунглях Амазонки, когда вокруг вопят гиены, а леопарды едва не выхватывают из рук мясо. Правда, такие программы выбирались редко. Мама предпочитала сеттинг «Альпийские луга».

– Не можем решить, какую программу выбрать, – сказала мама, зайдя в комнату следом за Егором. – Ната за Гавайи, а мне хочется представить, что мы ужинаем в Альпах. Ты что хочешь?

Стоя за ее спиной, сестра нарушила объявленный Егору байкот и показывала, как сильно достали Альпы. Схватив себя обеими руками за горло, она вывалила язык, закатила глаза и раскачивалась из стороны в сторону. Егор невольно улыбнулся.

– Предлагаю отправиться во Францию.

– Нотр-Дам де Пари! – подхватила Наташа.

Егор вопросительно взглянул на мать.

– Хорошо-хорошо, – сказала та. – Выбирайте, что хотите. Я пойду за вазой для цветов.

Сестра тут же подошла к стене, где крепился сенсорный пульт от панелей, и выбрала нужную программу. Комнату заполнил шум площади, рябь на стенах сменил величественный вид собора. Сто лет назад он сгорел, и до сих пор по различным причинам не восстановлен. Но то в действительности, а у Бестужевых по одному лишь желанию Наты собор появился во всей красе: со шпилем и старинным витражами. Если задрать голову и приглядеться, можно рассмотреть на крыше горгулий. Стол Бестужевых стоял на краю parvis de Notre-Dame – проще говоря, соборной площади. Справа текла Сена, в лицо били лучи ослепительного солнца, мимо шли туристы.

– Не слишком ли тут шумно? – спросил Егор.

– Норм! – крикнула сестра.

Егор едва успел увернуться от несущегося прямо на него подростка на аэроскейте. Сам над собой рассмеялся: ведь знает же, что движущиеся картинки не могут причинить вреда, и все равно каждый раз попадается. Рефлексы никуда не деть. Атмосфера явно потеплела, и Егор вспомнил про заготовленный для сестры подарок, решив, что сейчас самое время.

– Наташа, у меня есть для тебя небольшой презент, – сказал он и раздраженно добавил: – Сделай уже потише!

Сестра клацнула по пульту, шум стал приглушеннее. Так-то лучше.

– Что за презент? – спросила она, сев за стол напротив Егора.

Он достал из кармана пластиковую коробочку, протянул сестре. Яркий свет освещал ее оранжевые ресницы, отчего глаза стали похожи на два маленьких солнца. Ната взяла коробочку, осторожно нажала на защелку, и оттуда вырвался зеленый робот-дракон. Не так давно

Егор в составе комиссии проводил проверку на полигоне, где соревновались юные робототехники, и этот автономный дракончик приглянулся. Он двигался как настоящий, потешно дыбил чешуйки, изображая ярость, и даже извергал из крошечной пасти язычок пламени, что делало его похожим на зажигалку с крыльями.

Сделав круг над столом, робот полетел к центру площади, но врезался в стеновую панель и шмякнулся на пол. Сестра охнула – совсем, как ребенок, – бросилась к бедняге.

– Смотри сама не врежься, – проворчал Егор. – Здесь гораздо меньше места, чем кажется. Что за день такой? Любое хорошее начинание заканчивается одинаково дерьмово!

Однако дракон уже поднялся, опираясь на крылья, перекувыркнулся в воздухе и спланировал на плечо вошедшего в комнату отца. Босой, в рубаше и светлых льняных брюках тот выглядел на *parvis de Notre-Dame*, как паломник.

– Какая милая малость, – сказал он, скосив глаза на дракона. Если Ната была похожа на мать, то Егор – вылитый отец. Те же волевые черты лица, тот же прямой взгляд голубых глаз.

– Э! Дракоша мой! – шутливо возмутилась Наташа.

Но у робота на этот счет было другое мнение. Вцепившись металлическими лапами в рубашу на плече отца, он не собирался улетать. А когда сестра поднесла руку, чтобы забрать, открыл пасть из которой вырвался огонь. Испуганно взвизгнув, Натка отдернула руку.

Егор усмехнулся:

– Будем считать, что это подарок папе. Твой еще не сконструировали.

– Надеюсь, следующий подарок будет знать, что он мой.

– Я за этим прослежу.

– Леонид на связь еще не вышел? – спросил отец.

Егор пожал плечами:

– А должен? Я уже привык к тому, что он манкирует семейные застолья.

– Сегодня обещал быть, – вставила Ната.

Их обошла компания китайских туристов: все в панамках и с коммуникаторами, из которых раздавались голоса других китайцев.

– Предлагаю, сесть за стол, – сказал отец. – Пока эти фантомы нас не покалечили.

Они сели.

– Как на службе? – спросил отец.

У Егора мелькнула мысль рассказать про найденное на стройке тело женщины, но присутствие сестры остановило.

– Так, – сказал он. – Обычно.

Помолчали. Возникла та самая неприятная, давящая пауза, когда люди понимают, что им не о чем говорить. Егор подумал, что с коллегами на работе ему легче и проще, чем с собственной семьей. Особенно сильно это проявилось после повышения по службе, когда он получил доступ к информации, о которой гражданские знать не должны. Теперь постоянно нужно фильтровать, о чем можно сказать, а о чем – умолчать. Но, с другой стороны, именно осознание того, что благодаря таким, как он, родные могут встречать новый день без страха, наполняло его чувством нужности и незаменимости. И гордостью, что уж скрывать.

– Где мать? – спросил Бестужев-старший.

– Ушла искать вазу и пропала, – ответила Ната.

– Это на нее похоже. Надя! – крикнул он.

– Сейчас! – раздался из глубины квартиры мамин голос. – Ната, помоги мне принести горячее.

Ната неохотно встала из-за стола и, пройдя сквозь компанию пестро разодетых итальянцев, вышла из комнаты.

Егор взглянул на отца:

– Разве кухонного робота еще не починили?

– Старая модель, на такую уже не найти комплектующих.

– Значит, надо нового купить.

– Надо, – кивнул тот. – Но все время какие-то непредвиденные расходы вроде омоложения или замены цвета кожи.

– Ага. Это тоже нужно. Сейчас быть не модифицированным – означает неполноценность. В конце концов, люди должны стремиться к совершенству. Еще в Древней Греции воспевали человека сильного, прекрасного.

Отец поморщился. Видя его невыраженный скептицизм, Егор с непонятным самому себе пылом продолжил:

– А что тут такого? Благодаря работе с ДНК, ученым удалось победить такие заболевания, как рак. Еще сто лет назад, лишившись руки или ноги, человек был вынужден довольствоваться протезами. А сейчас для него выращивают новую конечность. С трансплантацией органов тоже никаких проблем, не нужно годами ждать доноров. Инвалидов почти нет, смертность от болезней вообще прилично сократилась.

– Вот именно, – с улыбкой вставил отец. – Сократилась, но не искоренена. Как прежде, процесс тормозит бюрократическая машина. Модификации все еще остаются дорогостоящим удовольствием, прерогативой состоятельных граждан. Базового пакета «модекс», выданного государством, едва хватит, чтобы новый мизинец себе пришить. А чтобы получить квоту, нужно собрать кипу документов и обойти десятки инстанций. Не потому ли появляется так много шарлатанов и подпольных лабораторий?

– Для борьбы с нелегальщиной существуем мы, – с достоинством парировал Егор.

– Борьба ради борьбы, – пожал плечами отец. – Ну, по крайней мере, ты без работы не останешься.

У Егора загло в груди от гнева. Отец как будто насмеялся над ним, ставил существование отдела БНМ под сомнение.

– Пока будут ограничения, всегда будут и те, кто пытается их обойти, – невозмутимо продолжал Бестужев-старший. – Я еще помню рассказы твоего деда о временах, когда модификации перешли из области научных экспериментов в общедоступное благо. Тогда всех охватила эйфория: нет старости, нет болезней. По телевизору транслировали мимишные видео о тигрятах и медвежатах которые ковыляли на трех лапах, а теперь весело перепрыгивают через горные ручьи и лазают по деревьям. Дети бегут по траве к матерям.

Перед глазами Егора возникла стройка. Грохочущие самосвалы, ковши бульдозеров, роющие землю там, где когда-то было озеро, где осталось его детство. Он уже не сможет прийти туда со своими будущими детьми, развести на берегу костер и сказать: «А, помнится, мы с твоим дедом тут...» Чувствуя потребность что-то сделать, Егор встал, подошел к стеновой панели и отключил «Умный дом». Исчез величественный Нотр-Дам, площадь, разноголосые туристы. На Бестужевых обрушилась тишина, стены стали безукоризненно белыми, точно они попали в снежную пещеру. Из кухни донесся звон посуды и смех матери.

– Не понимаю, к чему ты ведешь, какую сторону защищаешь, – произнес Егор, возвращаясь за стол к отцу. – Ты сам насквозь модифицирован, в тебя вживлен многолинейник, чтобы ты видел свои проекты и в любое время с тобой могли связаться заказчики...

Бестужев-старший поднял указательный палец:

– Вот оно ключевое: мои модификации нужны. Как и твои. Но вот взять твою мать: ей богу, я себя порой чувствую рядом с ней педофилом. Мне не нужно, чтобы женщина, с которой я прожил всю жизнь и которая родила мне троих детей, выглядела, как школьница. Это противоестественно, понимаешь? – он скомкал накрахмаленную салфетку и с горечью произнес: – Я уже молчу, во что превратил себя твой брат.

– То есть, ты против модификаций? – осторожно спросил Егор.

– Я против усовершенствования, противоречащего здравому смыслу.

Вернулись женщины, принеся с собой суету и болтовню. Конечно же, сразу заметили белые стены, но отец не терпящим противоречий тоном объявил, что сегодня семейному ужину не будут мешать никакие посторонние шумы. Женщины смирились.

– Лёня на связь не выходил? – спросила мама.

Егор хотел вставить, «И не выйдет», но сдержался. Чтобы не провоцировать очередной разбор полетов. Родительская любовь самая слепая, и для мамы Лео всегда будет болезненным мальчиком, у которого более сильный и здоровый Егорка хочет отобрать конфету. Так было в детстве и с годами ничего не изменилось.

– Я сделала запрос, – сказала Ната, показав на включенный коммуникатор. – Надеюсь, на этот раз он выйдет на связь.

Егор не мог точно сказать, что его раздражает сильнее: отсутствие или присутствие брата. С одной стороны, бесило, что Лео даже не особо скрывал, насколько ему стала не нужна семья, пожалуй, он их даже стыдился. Нет, открыто он об этом не говорил, но если появлялась хоть малейшая возможность избежать встречи с родными, он ее использовал. С другой стороны, если в этот раз брат выйдет на связь, Егор знал, что они, так или иначе, поругаются. Его бесило не только каждое слово, сказанное Лео, но даже его молчание – высокомерное, снисходительное. Еще бы, они люди прошлого, оставшиеся на перенаселенной планете с исчерпанными ресурсами. Лео – человек будущего, новый марсианин, высшая каста.

Отношения между ними, и прежде бывшие не самыми радушными, окончательно разладились, когда Ира выбрала брата. И ладно бы еще он тоже ее любил, но Лео всегда преследовал только интересы бизнеса. Он четко делил людей на нужных и на балласт; даже обижался исключительно, когда ему это выгодно. Ирина на тот момент была ему нужна, чтобы закрепиться на Марсе и поэтому Лео принял ее любовь. Все с тем же снисходительным, скучающим выражением на лице, будто говорящим окружающим: «Пришлось пожалеть. Что же поделать, если она меня так любит». Егор помнил вечер, когда пытался донести это до Иры. Он запросил связь с Марсом, пока ожидал согласования, а затем соединения, выпил. Пожалуй, больше, чем было нужно. Затем, лишь услышав голос Иры, говорил: долго, убедительно, удивляясь самому себе. Он был не мастак вести душевные беседы, но в тот раз все было иначе: сами собой находились именно те, нужные слова, которые четко передавали мысль. Ира все выслушала, и когда поток его внезапного красноречия иссяк, сухо сказала: «Я и без тебя все знаю. Но это неважно. Мне нужно, чтобы он просто был рядом – и все».

И все. Больше они после того разговора не общались, но узнав, что Лео с Ирой расстались, Егор испытал болезненную радость триумфа. «Ведь я говорил!» – хотелось кричать ему. Но он промолчал, сделав вид, что его это не интересует.

А после известия о смерти Иры, стало окончательно «и все».

Неожиданно над столом появилось сизое облако, в котором проступило лицо брата.

– Привет, земляне, – сказал он с привычной ленцой в голосе.

Егор мысленно выругался – появился, звездной пылью не запылится. Женщины встретились.

– Здравствуй, сынок!

– Хай, брателло! Как урожай яблок на Марсе? – Натка приветствовала брата всегда только этой фразой независимо от времени года.

Мама под села на диван к Нате, отец встал из-за стола и, обойдя его, остановился у жены за спиной. Егор понимал, что нужно тоже встать – у Лео ограничен угол обзора – но не мог заставить себя изображать радость. Чтобы его поведение не вызывало подозрений, он торопливо положил себе несколько больших ложек умопомрачительно пахнущего жаркого и стал есть, поглядывая в сторону голограммы брата.

За полгода прошедшие с их последней встречи, Лео приобрел еще больше отличительных черт нового марсианина. От рождения они с Егором были близнецы, но брат довольно рано

изменил свою внешность, перекроив себя в брюнета с впалыми щеками аскета. Последние же изменения все сильнее удаляли его от человека: на лбу и ладонях появились спиралевидные разводы, резко выступающие скулы, отчего глаза с огромными черными зрачками казались упрятанными глубоко в череп.

Натка сразу же оценила перемены в облике брата, и Егор уже знал, каким будет ее следующий образ.

– Егор, хватит лопать, иди к нам! – позвала Ната.

– Дай ребенку поест нормально, – осадил мама. – Совсем со своей работой желудок на сухом месте испортил.

– Угу, – промычал Егор, активно работая челюстями.

– Все откармливаете своего героя, – насмешливо заметил Лео.

Кусок нежнейшего мяса встал у Егора в горле.

– Приезжай домой, и тебя откормим! – ответила за него сестра.

– Спасибо, я всем доволен, – сухо заметил брат.

– Как ты там, Ленечка? – спросила мама.

– Внимательно! – неожиданно заявил отец.

Все повернулись к нему.

– Вениамин Львович, мы это уже обсуждали, – продолжал он, глядя перед собой, и все поняли, у папы в голове включился очередной деловой разговор.

Сделав жест, мол, продолжайте без меня, Бестужев-старший вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Мать с сестрой вновь повернулись к Лео.

– Лёня, как твой проект по терра... не помню, как дальше, – снова начала мама.

– Терраформированию, – поправил Лео, и вновь Егору почудилось, что брат полон насмешки. – Прекрасно. Процесс движется, и движется быстро. Башни работают стабильно, коптят атмосферу не хуже вулканов. – Он открыто улыбнулся. – А недавно «Центр» всерьез прислушался к советам моей лаборатории и наконец-то занялся магнитным полем Марса. Мы развернули космический магнитный модуль в точке Лагранжа.

– В точке ково-о-о? – отвесила челюсть Натка.

– Лагранжа. Это такое место в космосе, между Марсом и Солнцем, там модуль может висеть столетиями и ему не нужно использовать двигатель. Это изобретение создаст поле в два тесла, примерно как в адронном коллайдере. А на поверхности планеты полем займутся буры. Если все сделать правильно, то благодаря моей идее, терраформирование ускорится. Лет сто удастся срезать.

Наставив вилку зубцами на брата, Егор резко спросил:

– Ты был на могиле Иры?

Спираль на лбу Лео проступила ярче прежнего.

– Егор! – воскликнула мама.

Натка наступила под столом ему на ногу, но Егор сделал вид, что не заметил ни ее предостережения, ни маминого вскрика. Вспомнив, что брат под таким углом его не видит, встал из-за стола и подошел вплотную к голограмме.

– Так был или нет? – с угрозой спросил Егор.

– Еще нет.

– Ну, конечно! Терраформирование-то важнее!

– Ты меня в чем-то упрекаешь? – холодно спросил Лео.

– Только в одном. Что тебе было насрать на нее при жизни, а теперь насрать даже на память о ней.

– Прекратите! – отчаянно воскликнула мама, но на нее никто не обратил внимания. Наташа закрыла уши ладонями, отгородившись от семейной ссоры.

– Ну конечно, – презрительно бросил Лео. – Только ты у нас тут праведник. Защитник угнетенных и обездоленных. То-то я смотрю, даже стены в доме побелели от одного твоего присутствия.

– Не суди о вещах, в которых не разбираешься, марсианский выродец! – захрипел Егор. Его захлестнула такая ярость, что он два сдерживался, чтобы не дать в морду голограмме, как бы глупо это не выглядело.

– Ну это уж слишком! – воскликнула мама. – Валера! Ната, зови отца, они меня до инфаркта доведут!

Она тяжело опустилась на стул, держась за грудь.

Егор понял, что перегнул.

– Простите, – пробормотал он, и, бросив на стол вилку, вышел из комнаты.

Глава 3. Татьяна

Метроплекс Санкт-Петербург, планета Земля

— Друзья, тема сегодняшней лекции: изображение будущего писателями начала двадцать первого века, нашими предками. Да-да, того самого будущего, в котором мы с вами имеем удовольствие жить, — молодой доцент сделал паузу, затем театральным жестом левой руки, точно фокусник в парке развлечений, показал голограмму, на которой суровые люди с оружием и с масками на лицах, в едином порыве бежали по обожженной земле к гигантским металлическим паукам.

В аудитории началось движение. Те, кто сидел дальше, привстали, чтобы лучше видеть. Несмотря на то, что лекция Крюка (прозвище, которое он получил за свою руку) стояла в расписании первой, у него всегда был аншлаг. Это вместо лекций Магарыча и Капли можно поспать, а на истории литературы Крюка любой сон проходил. Он умел держать внимание аудитории, всегда вел лекцию вживую — а это значило немало. Хотя никто не обязывал его приходить. Напротив, было в порядке вещей, когда в аудитории вместо преподавателей вещали их голограммы, а сами они в это время мчались в авто по зеркальным мостам Крымской Ривьеры или находились в сверкающем белизной кабинете врача-модификатора и над ними парили, трепеща прозрачными крылышками, металлические роботы-стрекозы с головками-шприцами. Крюк был одним из немногих, кто не прибегал к модификации, хотя уж кому-кому, а ему она точно нужна.

Но он как будто гордился своей покалеченной рукой и не желал менять на новую даже по социальной программе. Коллеги считали его ненормальным, неуживчивым, не толерантным. Несколько раз под различными предлогами пытались изгнать с кафедры; недавно им это почти удалось, и Татьяна с группой других инициативных студентов собирала подписи в его поддержку. Тот бой они выиграли, но теперь Игорь Натанович находится под пристальным вниманием администрации.

А он будто не замечал всего этого, только скрюченные пальцы на правой сжимались в кулак еще крепче. Игорь всегда приходил на лекции без опоздания: худощавый, если не сказать субтильный, с ежиком светлых волос, аккуратными усиками, в выглаженной женой рубашке, начищенных туфлях. Начинал говорить негромким приятным баритоном с неизменной ироничной интонацией и с первых слов завоевывал внимание аудитории. Была в его выступлениях некая магия, отчего присутствующим казалось, будто они посвященные в тайное общество, а за ироничными пассажами стоит что-то запретное. В старину о таком говорили: читай между строк. Сейчас художественные книги не читали, необходимость в этом заменила прямая трансляция текстов в сознание. А выражение осталось, и все, кто посещал лекции Крюка, понимали его значение, потому что он учил их *читать*. А в особенности, осознать прочитанное.

Именно за это Татьяна обожала и одновременно ненавидела его. Хоть и не понимала. Ведь взрослый же человек, а ведет себя по-ребячески глупо. А он называл глупой Татьяну. Закладывал здоровой левой рукой ей за уши тяжелые черные локоны, целовал в шею и шептал так, что от его дыхания становилось щекотно: «Неужели ты думаешь, я не знаю, что можно говорить, а что нет? Не бойся, я держу ситуацию под контролем. Играюсь немного на краю, но ни одна сволочь меня не прижмет».

А она все равно боялась. И не понимала. И любила вопреки всему. Не хотела, чтобы вышло, как с папой, не хотела стать такой же, как мать: серой, пьяной, боящейся всего и сразу.

Между тем, Крюк уже поменял голограмму. Теперь перед студентами кривили уродливые рожи зомби. Их обнаженные серые торсы бугрились мышцами, ноги были полусогнуты для прыжка.

– Литература того периода пронизана атмосферой упадка, апокалиптическими и постапокалиптическими мотивами, – говорил Крюк. – Зомби, нашествия инопланетян, вторжения захватнических армий из параллельных миров, именно так люди прошлого представляли себе будущее.

Вот опять: все правильно говорит, не придерешься, но почему-то за его словами мерещилось другое. Что не считает Крюк литературу предков упаднической, а наоборот любит и даже *читает*. Уж Татьяна точно это знала: с Игорем они часто читали именно такие книги. Было непривычно разворачивать потрепанные страницы и скользить глазами по строчкам. Раньше, говорил он, так делали все, кто хотел почитать книгу. К сожалению, печатные тексты вытеснил аудио и электронный формат, а затем – перенос изображений в сознание. Поток движущихся картинок – это гораздо быстрее и не отвлекает от основных дел.

Когда жена с детьми были в отъезде, Крюк приводил Татьяну к себе. В первый визит ее поразило то, что его семья из четырех человек ютилась в двух маленьких, заставленных шкафами и заваленных мягкими игрушками комнатухах. В то время как для книг отведена огромная комната с системой климат-контроля и регулятором уровня влажности. Татьяне тогда даже подумалось, что Игорь любит книги больше людей.

– Вы так заботитесь о них, – робко сказала она, обводя рукой стеллажи с темными корешками книг, что выстроились вдоль трех стен от пола до потолка.

– Вольтер говорил, читая в первый раз хорошую книгу, мы испытываем то же чувство, как при приобретении нового друга. Вновь прочитать уже читанную книгу – значит вновь увидеть старого друга. Так что, мой дом полон друзей и конечно я о них забочусь, – ответил Игорь с улыбкой и впервые поцеловал ее.

Татьяна украдкой огляделась по сторонам: догадывается ли кто-нибудь из студентов об истинных мыслях Крюка? Не заметили, что его воротит от этой лекции? Но все были увлечены голограммами.

А Крюк тем временем подбирался в лекции к месту, которое написала для него Татьяна. Это была тошнотворная, лизоблюдская речь, преследовавшая единственную цель: обмануть тех, кто пристально за ним наблюдает.

«Не будем судить предков строго, – должен сказать Игорь. – Их жизнь была гораздо тяжелее нашей. Им еще не удалось победить опаснейшие виды болезней, решить политические и экономические проблемы. Они боролись за выживание. Поэтому неудивительно, что они были склонны к насилию, многие впадали в депрессию и суицидальные настроения. Они говорили друг другу: зима близко. И посмотрите, как они ошибались: мы живем в прекрасном обществе, пронизанном светом справедливости».

И вот теперь, глядя на него с восьмого ряда, Татьяна знала, что Игорь этого не скажет. Иначе он перестанет быть Крюком.

– Сейчас мы разберем, что есть апокалиптическая и постапокалиптическая литература, – говорил Игорь, небрежно выбросив из речи карьерно нужный фрагмент. – Истоки ее находятся в эсхатологии – учении о конце света. Одно из самых ранних произведений такого рода, Книга Даниила. Относится ко времени восстания Маккавеев против владычества селевкидских царей.

Заметив, как сильно дрожат от злости пальцы на руках, Татьяна сжала их в замок. Бесит! Эгоист! Упрямец! Ладно не о ней, хоть бы о семье своей подумал! Что будет с его маленькими детьми, если он вылетит из института? Охватившая ее злость была так сильна, что даже горькая правда – у него семья, которую он никогда не оставит, а она всего лишь влюбленная дура – не причинила обычной боли.

Неожиданно для себя самой Татьяна поднялась в полный рост.

Игорь остановился на полуслове, по аудитории пошла цепная реакция. Сначала повернули головы сидящие рядом, потом те, кто за ними, и вот уже Татьяю со всех сторон бомбардировали удивленно-выжидающие взгляды.

– Вы что-то хотели, Литвинцева? – с вежливым интересом спросил Крюк.

– Я... – она ступевалась, не зная, что сказать. Стоять столбом – глупо, снова сесть – еще глупее. Сзади уже раздались первые смешки.

– Мне нужно выйти, – сказала она преувеличенно громко, чувствуя, как пылают щеки и уши.

– Выйдите, – разрешил Игорь равнодушным голосом.

Татья посмотрела прямо ему в лицо – неужели даже взглядом не попросит прощения?!

Не попросил.

Она схватила сумочку и почти бегом покинула аудиторию. В коридоре остановилась, не понимая, зачем здесь, для кого, для чего. Татьяна чувствовала себя бесконечно одинокой. Только она и густой, колющий воздух. В висках стучало: «Я ничего для него значу. Просто взял и выбросил все, что я придумала для него!»

Глаза защипало от слез. Татьяна зло вытерла их рукавом – не хватало еще, чтобы кто-нибудь увидел ее плачущей, – но слезы было уже не остановить. Прижав сумочку к груди, она побежала по коридору мимо закрытых дверей аудиторий и проекций портретов ученых мужей, с укором глядящих ей вслед.

* * *

Открыв массивную дверь, Татьяна вышла на крыльцо из темно-красного гранита. Широкие ступени уходили в воду, белобокие чайки парили над рекой и залиvistо галдели. Петербург исторически называли Северной Венецией, а в 2050 году произошло сильное наводнение. Дамба была прорвана, уровень воды поднялся до высоты вторых этажей. Особенно пострадал центр города. К счастью, людей быстро эвакуировали, и на какое-то время часть города осталась необитаемой. Затем сюда стали возвращаться люди. Они забирались в окна своих домов прямо из лодок и говорили, что будут здесь жить, даже если уровень воды не понизится. С трудом власти убедили отважных петербуржцев переехать в новые квартиры, находящиеся в районах с насыпным берегом. А затопленную часть города (практически весь исторический центр) было решено отдать под туризм и учебные заведения. С тех пор перемещаться здесь можно только на плавучих видах транспорта: лодках для романтиков, речных трамвайчиках с подводными крыльями или на шустрх такси.

На крыльце историко-педагогического университета, где пятый год училась Татьяна, в ожидании трамвайчика кучковались студенты. Занятые болтовней, ребята не обратили на девушку внимания. Она остановилась, не зная куда отправиться. Не хотелось никого видеть, ни с кем разговаривать, но и оставаться наедине с собой тоже тягостно. Что можно сказать себе? Чем утешить? Ей нужно попасть в такое место, где все наполнено историями, но при этом ее собственная история останется никому неизвестной.

Белоснежный трамвайчик с опущенными в воду красными крыльями подплыл ближе. Татьяна прочитала конечную: «Екатерининский канал⁵». В этот миг она поняла, куда отправится: за Кокушкиным мостом стоит дом с вишневой башенкой, а в башенке за толстыми стенами спрятался дивный мир старины. Чего там только нет: картины с изображением заплаканных от дождя вечерних улиц, по которым спешат домой скрытые под зонтами петербуржцы. Всевозможные часы: от больших, в человеческий рост, до пузатых будильников и круглых карманных

⁵ Екатерининский канал (до 1923 года). Затем переименован в канал Грибоедова. В 2053 каналу возвращено первоначальное название.

на цепочке, а еще продавленные кресла-качалки и многое-многое другое. Будет все, как Татьяна хотела: оказаться окруженной чужими историями, а свою оставить при себе.

Она сидела на нижней палубе. Здесь, в отличие от верхней, было свободно. Только очень душно. Расстегнув верхнюю пуговицу блузки, Татьяна подумала, что унылая студенческая форма – белая блуза и строгая кремовая юбка чуть выше колена – портит и без того плохое настроение. Так и не прогнав грустные мысли, она отвернулась к иллюминатору. Мимо проплывал Старый город с его домами в одну линию, протыкающими весеннее небо шпилями и блестящими на солнце куполами храмов. Все вокруг напоминало об Игоре: они обожали кататься по старому городу. Не на трамвае конечно, он брал лодку, и, прижавшись друг к другу так тесно, что Татьяна слышала, как бьется сердце любимого, они отправлялись на речную прогулку. Благодаря Игорю Татьяна знала истории многих домов. В этом, с желтым фасадом и недавно отреставрированной вывеской «С.ВОЛФЬ и Т.БЕРАНЖЕ» Александр Пушкин встретился со своим секундантом перед роковой дуэлью, а об этом небесно-голубом писал Михаил Лермонтов «Ведь нынче праздники и, верно, маскарад у Энгельгардта». Татьяна тяжело вздохнула: никуда ей не деться от Крюка. Так и будет рядом, потому что в ее жизни было только два любимых мужчины: отец, о котором остались смутные, обрывистые воспоминания, а потом Крюк.

Именно отец впервые привел ее в башню возле Кокушкина моста. Хозяин был его старинным приятелем. Татьяна помнила, как ее рука потерялась в широкой отцовской ладони и его слова: «В этой лавке, как во флаконе духов, собран аромат Петербурга – каким он был столетия назад». Самое страшное, что слова она помнила, а голос отца успела забыть. Образ не выветрился окончательно благодаря семейным голосникам. Там отец был то веселым, то серьезным, с прорезавшим переносицу шрамом напоминающим знак #. В юности, разглядывая снимки, девушка искала в себе сходство с отцом: у них был одинаковый прямой нос, узкие скулы, худощавость. Именно он когда-то звал ее: Татьяна. Не Таня, не Татьяна... Татьяна.

Трамвай остановился возле дома с башенкой, и она сошла на гранитный парапет, поросший тиной. Все здания вдоль воды в Старом городе до уровня второго этажа были облицованы гранитом – чтобы не рассыпались. Татьяна как-то читала, что для этого гранит снимали с затопленных набережных и «одевали» дома.

Толкнув массивную дверь, она оказалась в просторной парадной с уводящей ввысь винтовой лестницей. Посередине находился старый, и жутко медленный лифт. Поднимаясь, он так надсадно скрипел и подрагивал, что, казалось: сейчас замрет между этажами. Такие лифты остались только в Старом городе и, как говорили в путеводителях «придавали ему особый шарм». Татьяна здешнего лифта побаивалась и полагалась на свои ноги, которые пока служили вполне исправно и без скрипа.

Добравшись до последнего этажа, она остановилась, чтобы перевести дух. На круглой, выложенной в шахматном порядке серой и белой плиткой площадке стоял шум от голубиного «Гу гууу угуууг», прорезаемый истошными воплями чаек; сквозь большое, загаженное птицами окно виднелось небо. Такое, какое бывает только здесь: белесое, одновременно близкое и далекое. Ведущая в лавку старьевщика дверь выглядела так, будто ее привыкли открывать ногами. В общем, славное место, в котором все было настоящим. Никаких тебе игл-небоскребов, безупречно-чистых зеркал, голограмм с рекламой, запрограммированных на выявление потребностей и тут же забивающих «персональными предложениями, действующих только сегодня и только сейчас».

Татьяна толкнула дверь, над которой тренькнул колокольчик, и вошла в любимый мир старины.

– Кларрррисса! – заорал при виде нее огромный зелено-красный попугай. Он сидел на спинке плетеного кресла, наклонив набок голову и глядя на Татьяну озорным круглым глазом. Татьяна представления не имела, кто эта загадочная Кларисса, но почему-то попугай упорно называл ее этим именем. Как-то она предположила, что для него все девушки «клариссы», но

хозяин лавки опроверг эту догадку. «Нет, Танюша, – сказал он, – так он приветствует только тебя».

– Привет, Раймонд, – улыбнулась Татьяна и виновато развела руками: – Извини, сегодня не принесла для тебя вкусняшек.

– Дуррра! – заявил попугай и занялся чисткой перьев.

Вот так вот.

– Как не стыдно, Раймонд? – раздался справа глухой басок хозяина лавки, и тут же он сам вышел из-за стеллажа, завешанного разноцветными деревянными бусами. Это был высокий сухопарый старик с глубокими, резко очерченными морщинами и глазами мудрой черепахи: полуприкрытые тяжелыми веками, они смотрели на мир спокойно и равнодушно. Казалось, этот человек видел все, и ничто не может его ни удивить, ни опечалить.

– Здравствуйте, Танюша, – улыбнулся он Татьяне.

– Кларрррисса, – немедленно поправил попугай и, раскачиваясь из стороны в сторону, затолдонил: – Кларрррисса, Кларрррисса, Кларрррисса!

– Ладно, ладно, убедил, – рассмеялась она.

– Замолчи, не то в клетку закрою, – прикрикнул на него хозяин лавки.

Попугай мигом слетел вниз и важно протопал за шкаф, подметая пол роскошным красно-зеленым хвостом. Чем больше Татьяна наблюдала за Раймондом, тем сильнее ей казалось, что он все понимает. Но почему Кларисса?!

– Здравствуйте, Карл Вениаминович, – запоздало поздоровалась она.

– Не ожидал тебя в ближайшее время. Ты же говорила, что готовишься к проекту в институте, – в солнечном свете вокруг старика кружилась пыль, отчего хозяин лавки казался добрым волшебником.

– Да... Я, собственно, не собиралась. Это было спонтанное решение. Извините, если я не вовремя...

Татьяна подумала, что только раз видела в лавке посетителя: очень вежливого и скромного юношу с лицом Микеланджеловского Давида, который, впрочем, при ее появлении быстро ушел, ничего не купив. Удивительно, как старику удастся платить за аренду? Рекламой он не занимался, только на первом этаже висела бледная вывеска «Предметы старины». Да и то, что лавка находилась под самой крышей, тоже играло против.

– Танюша, ты всегда желанный гость у нас с Раймондом, – возразил старик на ее извинение.

– Кларрррисса, – непреклонно напомнили из-за шкафа.

Они одновременно рассмеялись.

– Я вам больше скажу, – продолжил старик прерванную попугаем речь: – Ты зашла как нельзя вовремя. У меня есть один прелюбопытнейший товарец.

Татьяна заинтригованно улыбнулась. Карл Вениаминович скрылся за стеллажом, но вскоре появился вновь, держа в худой, покрытой пигментными пятнами руке черную колбу с крышкой.

– Мне удалось найти рецепт чернил, которыми записывала свои сочинения Джейн Остин.

– И вы его воссоздали?

– Да, – он протянул Татьяне колбу.

Она неуверенно взяла, открыла крышку, понюхала. Запах бы резким и неприятным. Заглянула в колбу, но горлышко оказалось очень узким.

– Из чего они сделаны?

– Четыре унции чернильных орешков, две унции железного купороса, полторы унции гуммиарабика и пинты несвежего пива. Каково, а? Я подумал, что вам, как писательнице, это будет интересно.

– Ну, я начинающая писательница, – смутилась Татья. – У меня пока нет ни одной законченной работы.

– Обязательно будет, – заверил старик.

На лестнице за дверью послышались шаги нескольких человек. Татья невольно взглянула на старика, и ей показалось, что он насторожился.

– У вас сегодня много покупателей, – сказала она, чтобы нарушить возникшую паузу.

Хозяин лавки улыбнулся одними губами, глаза остались серьезными. Дверь с шумомпахнулась, так что висевший над ней колокольчик захлебнулся от возмущения. В лавку один за другим вошли двое мужчин в форме полиции. Оба высокие, крепкие, похожие, словно братья. Хотя при более пристальном рассмотрении оказалось, что они совсем разные: тот, который вошел первым, был блондин с короткой стрижкой и цепким взглядом голубых глаз. Второй, рыжеволосый. Войдя, блондин вытянул шею, будто принимаясь, и осмотрелся. Рыжий наоборот в упор уставился на хозяина лавки.

– Здорóво, уважаемый, – сказал он.

– Добрый день, – черепаши глаза смотрели на полицейских спокойно и равнодушно.

Татья чувствовала напряжение. Она ненавидела людей в полицейской форме. Всех, без разбора. Много лет назад такие, как они, увели ее отца, а мать после трагедии превратилась в алкоголичку. С тех пор Татье казалось, стоит кому-то из полицейских на нее взглянуть, как они сразу узнают, что она дочь преступника, отбывающего срок в виртуальной тюрьме. Никакие доводы, что никому до нее нет дела, не помогали.

Зажав в руке колбу с чернилами, она стояла, испытывая лишь одно желание: поскорее удрать.

– Высоко же ты забрался, уважаемый, – продолжал рыжий полицейский, просканировав чип Карла Вениаминовича. – Не всякая птица долетит.

– Кому надо, долетают, – ответил хозяин лавки.

Рыжий скользнул взглядом по Татье, просканировал и ее чип, ухмыльнулся:

– Да уж, пташки, что надо.

Ну вот, теперь им все о ней известно. Она вспомнила о попугае, перевела взгляд на шкаф, за которым он скрылся, и увидела между ножками синий хвост. Чертыга затаился от незваных гостей.

Между тем, блондин прошел к окну и обратно, продолжая принимать, точно пес. Захватил ладонью бусы на шторе, сжал их в гроздь.

– Мы, хотим поговорить о ваших покупателях, – сказал он старику, и будто невзначай взглянув на Татью.

Она почувствовала, как подбирается паника: она дочь преступника, и на нее можно все свалить, не тратя время на поиски виноватых. Сразу стало тяжело дышать, а в пальцах появилась противная дрожь.

– Я зашла случайно, – будто со стороны услышала она свой слабый, запинаящийся голос. – Чернила купить. Я писательница... Начинающая.

И тут же подумала:

«Зачем я оправдываюсь? Меня ни в чем не обвиняют».

– Писательница? – блондин посмотрел на нее с улыбкой. Он выпустил из руки бусы, и они закачались, ударяясь друг о друга с тихим стуком. – О чем же вы пишете?

– О людях. Их радостях, обидах, страстях.

Рыжий фыркнул:

– Такая красивая девушка, а занимается всякой хренью. Лучше бы танцевала, с такими-то ножками.

Татья вскинула голову, едва не ответила: «Тебя забыла спросить, тупой полицай!» Но, конечно же, промолчала, только осмотрела презрительным взглядом.

Блондин насмешливости напарника не разделил. Подойдя к Татье, кивнул на колбу в ее руке:

– Это что такое?

Она прочитала голографическую надпись на его куртке: номер 36489. У них даже имен нет. Только номера, как у машин.

– Чернила, – ответил за нее Карл Вениаминович. – Такими некогда писала английская писательница Джейн Остин, если это имя не оскорбляет слух господ полицейских.

В его интонации звучал явный сарказм. Судя по лицу рыжего, имя писательницы ни о чем ему не говорило.

– Проверь состав чернил, – сказал блондин напарнику и протянул руку к колбе: – Вы позволите?

Как будто ее отказ что-то поменяет.

– Пожалуйста! – преувеличенно громко произнесла она и отдала чернила.

Номер 36489 передал их напарнику, тот капнул на затылок в перчатку запястье, и справа от капли замерцали мелкие строчки. Татьяна вытянула шею, пытаясь разглядеть, что написано.

– Ну, что там? – спросил блондин.

– Ничего интересного, – ответил напарник. – Галловая кислота, железный купорос, гуммиарабик, глюкоза, фруктоза, фрагменты пектина, этиловый спирт.

– Стой на месте! – неожиданно рявкнул блондин на Карла Вениаминовича, который сделал несколько шагов к пузатому комоду.

Хозяин лавки замер, подняв руки. Мол, спокойствие, господа полицейские.

– Вот так и стой, – одобрил номер 36489. – И чтобы руки все время на виду были.

«В чем же он провинился? – недоуменно подумала Татьяна. – Такой милый, безобидный дедушка. Наверняка с кем-нибудь перепутали. Лишь бы обвинить!»

– Значит, чернила здесь покупаете, – произнес блондин, и его голубые глаза встретились с каре-зелеными Татьяны. Она кивнула, и «номер» продолжил: – Небось еще и пером пишете свои романы о страстях человеческих. Все, как в старину.

Татьяна сделала вид, что не заметила иронии в его голосе, спокойно ответила:

– Бывает, что и пером. А что это противозаконно?

Лишь бы они не попросили продемонстрировать как это, писать пером! Одно дело сказать, совсем другое – сделать.

– Нет, скорее, экзотично. Кажется, современные писатели уже лет пятьдесят передают образы читателям напрямую без каких-либо вспомогательных инструментов.

Она посмотрела на полицейского с интересом. Вот уж не думала встретить среди них человека, интересующегося способами трансляции книг. Татьяна открыла рот, чтобы ответить, но рыжий вдруг спросил со смешком:

– Папашке своему в тюрьму тоже пером письма пишешь?

Татьяна вздрогнула – ведь ожидала, но все равно оказалась не готова. Блондин досадливо поморщился. Хозяин лавки переводил взгляд с одного на второго, и по его изборожденному морщинами лицу было невозможно определить, о чем он думает. Она нашла в себе силы взглянуть в лицо рыжему, и с достоинством ответить:

– Мы с отцом лишены возможности общаться.

Кажется, он смутился.

– Предлагаю ее отпустить, – негромко сказал блондин напарнику, но по интонации больше походило на приказ. – А с вами, Карл Вениаминович, мы побеседуем.

За шкафом послышался шорох. Полицейские насторожились и разом повернули туда головы. В тот же миг из-за шкафа с гомоном вылетело большое и красно-зеленое. И прежде,

чем Татьяна успела закричать: «Это попугай!», пернатый налетел на рыжего. Полицейский отбил его кулаком, отправив на пол.

– Вот дьявол! Предупреждать же надо! – воскликнул рыжий, явно смущенный тем, что так резко отреагировал на птицу.

Татья метнулась к попугаю, села на колени. Раймонд тяжело дышал, открыв клюв и подняв дыбом перья на голове. Карл Вениаминович опустился на пол рядом с Татьяной и сунул что-то ей в руку. Татьяна машинально сжала ладонь в кулак. Вещица была твердой и холодной, с четырьмя углами. Вскинув на Карла Вениаминовича глаза, девушка спросила взглядом: «Что это?»

«Помоги мне», – ответил его взгляд.

Она почувствовала сухость во рту. А если обыщут? Конечно, не имеют права, но мама говорила, что арест отца лишил их всяких прав. В то же время Татьяна знала, что нельзя не помочь старику. Да и что там может быть такого опасного? Смешно представлять немощного Карла Вениаминовича замешанным в чем-то преступном.

Скорее почувствовав, чем услышав движение за спиной, Татьяна обернулась. Это оказался блондин.

– Ну, как он? – спросил полицейский, кивнув на попугая.

Татьяна сильнее сжала в кулаке вещицу и поднялась в полный рост. Полицейский был на голову выше ее.

– С ним все в порядке, – сухо сказала она, избегая смотреть на его напарника. – Можно я пойду?

Блондин кивнул.

– До свидания, – обратилась она к старику и попугаю.

– Приходите еще, Танюша.

Попугай на этот раз даже возражать против неправильного имени не стал. Бедняга!

Чувствуя на себе взгляды полицейских, она нарочито медленно подняла с пола упавшую сумочку, направилась к выходу, каждое мгновение ожидая окрика «Стой!». По спине стекали струйки пота, казалось, что вещица жжет руку. А если они заметят, что она прячет вещицу в кулаке? Если заставят показать? Какая ирония: она даже не представляет, что это может быть!

Вот и дверь. Нажать на ручку, переступить порог, закрыть. Стук дерева о дерево. Свобода?

Перепрыгивая через ступени, Татьяна сбегала вниз. Выскочила на улицу и вдохнула сырой, пропахший тиной воздух. Только теперь решила разжать ладонь.

Глава 4. Егор

Когда дверь за девушкой захлопнулась и колокольчик выдал писклявую ноту, Егор еще какое-то время прислушивался к удаляющемуся стуку тонких каблук. После нее остался запах духов – тонкий аромат лилий, свежесть дождливого утра с кислинкой цитруса. Бестужев перевел взгляд на хозяина лавки. Преисполненный достоинства старик мягко улыбался, руки расслабленно держал на стойке из полированной темной древесины. Усталые серые глаза смотрели с пониманием. Сама добродетель. Попугай – и тот выглядел подозрительнее. Обходился полицейских прыжками, кося блестящим глазом и воинственно топорща перья.

– Ну что, Малышев Карл Вениаминович, будем разговаривать по-хорошему или как обычно? – развязно спросил Кротов.

Старик едва заметно дернул уголок рта. Егор сдержал вздох: Димка сегодня перегибал по всем параметрам. Образ крутого полицейского хорош со шпаной и всякой швалью, а к владельцу лавки нужен другой подход. Старикан не простой, его такими наездами не возьмешь; и лавка у него непростая, скорее всего, служит для прикрытия, иначе с чего бы дед платил за аренду? Вряд ли продажа поеденных молю коврам и прочего старья приносит доход. Да и девушку, если уж говорить начистоту, Кротов вспугнул. Сразу было видно, что она очень напряжена. Смотрела большими темными глазами, как загнанная волками косуля, хотя явных причин для страха не имелось. Изловчившись, Егор все же незаметно просканировал ее сумочку: ничего интересного нет. Тогда чего испугалась?

И вот, когда удалось разговорами о писательстве немного снять ее тревожность и подготовить к доверительному диалогу, Кротов влез со своей остротой про письма отцу-зэку. Юморист, блин! Егор физически ощутил, как разорвались нити доброжелательности, которые протянулись между ним и девушкой. Она сразу замкнулась, сквозь невесомое облако аромата духов пробился адреналин едва сдерживаемой злости. Теперь даже если что-то и знает – не скажет.

Решив, что за Татьяной Литвинцевой следует понаблюдать, Егор кивнул Кротову:

– Капитан, проводи посетительницу. Убедись, что все в порядке.

– Не вздумайте пугать девочку! – возмутился старик. – Бедняжка зашла в лавку за покупками, а попала на допрос! У граждан Федерации есть права, и вы, уважаемые, обязаны их защищать.

Дмитрий задернул тяжелую портьеру, прикрывавшую вход на склад. Пыль слетела с ткани и облаком захоронила вокруг статной фигуры в черно-серой форме. Кротов едва сдержался, чтобы не чихнуть.

– Как раз этим мы и занимаемся, – бросил он и толкнул дверь.

Колокольчик взвизгнул, дверь с хлопком закрылась за спиной полицейского. Включив IP-ком, Егор еще раз проверил по базе лавку Малышева. Ничего подозрительного. Либо дед и впрямь божий одуванчик, либо адский мухомор.

Виртуальная папка с данными на «Предметы старины» погасла, и стальная дуга наушника IP-кома сделалась холодной. Таким же был голос Бестужева.

– Мы к вам, гражданин Малышев, собственно, вот по какому по делу, – сказал Егор, глядя в мутное окно на светлое, без единого облачка, Питерское небо. – Нужны списки покупателей и опись товаров, которые поступали в продажу в «Лавку древностей» за последний год.

– Может, присядете? – предложил дед.

Егор облокотился на стойку.

– Список, – с нажимом повторил он.

Малышев развел руками:

– Увы, я не веду списков покупателей. Эта лавка работает много лет, ко мне приходят разные люди и по разным причинам. Кто-то с упоением собирает уникальные статуэтки или часы, а кто-то наоборот, хочет продать барахло, найденное на чердаке у бабули. Как правило, они редко возвращаются обратно, а своих постоянных покупателей я знаю в лицо. Нет смысла вести реестр.

– А в этом есть смысл? – Егор щелкнул по коммуникатору и вывел голограмму состава смеси из пакета, найденного в лаборатории. Завидев названия трав и ряды химических формул, старик рассмеялся. Каркающий смех пронесся по лавке, из угла его подхватил попугай.

– Ну, что же вы, молодой человек? Так бы и сказали, что вам нужно вернуть мужскую силу! Понимаю, в клинику стесняетесь обращаться... там ведь запись в биочип внесут, а какой юной гагарочке понравится знать, что у ее избранника, ну-у-у... – он заговорщически кивнул. – С жезлом не все в порядке.

Шумно выдохнув, Егор убрал голограмму. Голос зазвенел металлом:

– Перестаньте паясничать. Это порошок от болезней печени, а не от импотенции. Вы торгуете подобным?

– Юный друг, вы слишком серьезны. Это плохо отражается на печени. Учитесь легкомысленности. Это привилегия и особое искусство; это поиски поверхностного теми, кто, поняв, что нельзя быть уверенным ни в чем, возненавидел всякую уверенность.⁶

– Предлагаю проехать в отделение. Там у вас будет прекрасная возможность собрать вокруг себя неофитов. А вашу лавку в это время полиция перетрясет сверху донизу.

По губам Малышева скользнула улыбка:

– Ну что вы так сразу? Если вас интересует порошок, то его продают многие, может и у меня когда-то был. Сложно вспомнить.

– А имя Валери Соларес часом вспомнить не желаете?

Дед как-то сразу сдулся. Вся бравада и апломб куда-то подевались, на лице появился испуг. Старик отлип от стойки, попятился, пока не уперся спиной в массивный шкаф из красного дерева, покрытого потрескавшимся от времени лаком. Большие настенные часы с маятником громко отбили полуденное: «Бум! Бум! Бум!»

– Валери Соларес? – пробормотал он. – Надо подумать. Списки я, как уже сказал, не веду...

– По сусекам поскребите, иначе я сам поищу.

Старик поджал бледные сухие губы, кивнул и послушно полез под стойку. Вот, сразу бы так, а то начал хорохориться.

Открыв распухший от бумаг ящик стола, он стал выкидывать на пол исписанные мелким почерком листы, бормоча под нос:

– Где-то тут... Где же? Ох!

Дед вдруг закричал, посерел лицом и качнулся назад. Морщинистая ладонь легла на грудь, пальцы судорожно расстегивали пуговицу вельветового жилета, из кармана которого тянулась золотая цепочка часов. Сквозняк тревожно зашелестел тетрадными листами.

– Малышев, что случилось? Вам плохо?

– Ох... Сердце прихватило... – слабо прохрипел старик.

– Дайте руку, я просканирую биочип и вызову медиков.

– Там, в шкафу лекарства... Переносной медицинский модуль... Ох...

Черт, может и не дотянуть до приезда медиков!

Егор кинулся к шкафу. Выдвинул один ящик, второй, третий. Какие-то тряпки, бумаги, бусы, портсигары и прочий хлам. Ну, где же? Краем глаза он видел, как Малышев сполз на пол, рот широко открыт, дыхание тяжелое, хриплое.

⁶ Эмиль Мишель Чоран «Искушение существованием».

Вот и переносной модуль. Небольшой стальной ящик с голограммой красного креста. Достав его, Егор тут же щелкнул замком. В модуле аккуратными рядами лежали ампулы; в соседнем отделе шприц-пистолет, сканер биочипа и портативный доктор.

– Вколите мне... – зашептал Малышев.

– Не волнуйтесь, я знаю, что делать.

Из многочисленных инструктажей по оказанию первой помощи Егор действительно знал. Он склонился над модулем, выбрал ампулу «метрофастерона», зарядил в шприц-пистолет. А вотзаветной красной колбы с нанотеком не обнаружилось. Без нее никак.

Только собрался спросить о нанотеке, как вспышка синего света блеснула на стекле ампул. И прежде чем Егор услышал статический треск разряда, висок прошло нестерпимой болью. Он кулем рухнул на пыльный паркет.

* * *

Голову пекло с такой силой, словно кожу облили кислотой, которая разъела плоть до самой кости. С трудом открыв глаза, Егор перекатился на спину. Встать не получалось – ноги сделались ватными, а руки вовсе принадлежали не ему и шевелились так, будто кто-то невидимый дергает их за ниточки. По телу все еще пробегали колющие импульсы, оставленные парализатором. Егор и подумать не мог, что старик возьмет проклятый транк и подкрадется сзади. Он кое-как поднялся на карачки и привалился спиной к шкафу. Коснулся лба – кровь влажно блестела на черной перчатке, должно быть, ударился о косяк, когда потерял сознание. Сколько он так пролежал?

В распахнутое окно врвался по-весеннему свежий ветер. Со стороны Невы доносился гомон непоседливых чаек. Егор тяжело поднялся, фыркнул, потряс головой, как сбитый с толку пес. Пошатываясь, точно пьяный, он подошел к окну. Внизу парапет, серые покатые крыши, красная растрескавшаяся черепица, жестяные трубы сплетались в замысловатые узлы. А это что? На фоне ясного неба четко просматривалась бегущая по крышам фигура человека, в которой без труда угадывался сердечник Малышев. И ведь шустро бежал, не каждый двадцатилетний так сможет.

Модифицированный – пронеслось в сознании Егора, – поменял «запчасти», оставив дряхлую оболочку. Возможно, у него и сердце не одно...

Егор забрался на подоконник, под грубой рифленой подошвой ботинка хрустнула вздувшаяся краска. Помянув Малышевана чем свет стоит, он прыгнул.

Раскаленная полуденным жаром черепица встретила глухим треском, кусок откололся и запрыгал по склону вниз. Егор проводил его хмурым взглядом и рванул за Малышевым. Удерживать равновесие на узком коньке крыши, когда все тело трясет, задача не из легких. Особенно тяжелыми были первые метры, потом он почувствовал, как в сведенные парализатором мышцы возвращается сила. Довольно быстро добрался до плоской пристройки, откуда перемахнул на крышу соседнего здания. Длинный старый дом с мансардами и балкончиками, со скрипящими пожарными лестницами, с выпирающими как чужеродные наросты башнями связи. Такие древние постройки сохранились только в Петербурге, чему Егор был несказанно рад. Уж лучше скакать по крышам пятиэтажек, чем проверять на прочность нервы, покоряя небоскреб.

Расстояние между ним и Малышевым сокращалось. Модифицированный дед тоже это заметил, обернулся, прикрывая глаза ладонью от солнца, и припустил к пожарной лестнице. Ещенемного и окажется внизу, где его след легко затеряется в тысяче запахов узких переулков.

Егор обвел взглядом бесконечные сизые крыши. Малышеву придется перейти по длинной галерее к соседнему дому, а оттуда к очередной лестнице. Нужно его опередить.

Набрав разгону, Егор прыгнул. Жесткое приземление на козырек пристройки выбило из легких воздух. Пестрые голуби с гомоном поднялись с места, громко хлопая крыльями, в воздухе закружились одинокие перья. Еще прыжок. Егор упал на покатый склон крыши и на боку съехал вниз, пересчитывая ребрами черепицу, собирая одеждой грязь и птичье дерьмо. Он пробежал по балкону-галереи, перепрыгивая через стулья, столы и сваленный хлам. Из окна послышалась грязная брань. Громко завизжала женщина.

На дымчатый асфальт Егор вылетел как раз в пяти метрах от старика. Бестужев резко выкинул руку в сторону и разжал пальцы – пистолет в кобуре ожил, вшитая в ладонь биопластика сделала горячее, и через секунду оружие нырнуло в ладонь.

– Стоять! Руки за голову!

Останавливаться Малышев не собирался.

Тогда Егор выстрелил. Синий импульс ударил рядом со стариком в балконный блок. Фонтаном вылетела щепка. Больше доводов не понадобилось.

– Вы не понимаете, во что связываетесь, – пробормотал старик, медленно оборачиваясь. Руки он держал поднятыми, и Егор заметил, что кожа на ладонях содрана до крови. Вельветовый жилет порван, лоскут ткани свисал до самого бедра, на брюках полно грязных разводов. – Такие как вы, глупые слепцы, никогда ничего не поймут!

– Возможно, – ответил Егор и выпустил свой ПМ. Кобура тихо защелкнулась. Пальцы нащупали наручники. – Малышев Карл Вениаминович, вы арестованы за нападение на полицейского и попытку к бегству.

– Вы не понимаете... Это ошибка! Вы совершаете ошибку! – воскликнул старик.

Глухой хлопок. Гомон перепуганных голубей, сорвавшихся в небо. Малышев качнулся и упал лицом вниз, на седом затылке кляксой расплзлась кровь.

Долю секунды Егор стоял как вкопанный, не в силах поверить в случившееся. А потом увидел стрелка – тень выросла на крыше побитой временем пятиэтажки и, убрав винтовку за спину, понеслась прочь.

– Блин!

Егор стукнул по шеврону и побежал к пожарной лестнице. Пока он поднимался, Дима ответил на вызов.

– Ну что, Бес? Всю древнюю пыль перенюхал?

– Быстро ко мне! Отследил сигнал и дуй сюда! Малышева убили!

– Кто? Как?

– Шевелись, а то упустим!

Как Егор не пытался взять след, а все без толку – ветер дул со спины, принося запах тины и раскаленного асфальта. Зато металлический дух импульсного выстрела и крови словно бежал за ним по пятам, провожая до самой крыши. Солнце слепило, играя на руку человеку в черном, который неся назад к лавке. Неизвестный стрелок обладал недюжинными навыками паркура, ловко прыгая по конькам и взбираясь по стенам. Ничего, если Кротов подоспеет вовремя... Прижмут. Однозначно прижмут.

Егор остановился, озираясь по сторонам. Тень на миг исчезла, а потом снова появилась на крыше и проворно скользнула в распахнутое окно лавки. Ловушка захлопнулась.

Не успел Егор подбежать к окну как громыхнул взрыв. Ударная волна подхватила и швырнула на потрескавшуюся черепицу. Боль скрутила тело, и что-то тяжелое ударило Егора в грудь. Из окна рвалось пламя. Осколки стекла, пластика и древесины зло лупили по крыше, отлетали и падали вниз на мостовую. Протяжно и тоскливо завывала сирена пожарной сигнализации.

В ушах у Егора шумело, звуки долетали приглушенные, словно взрыв прогремел за квартал отсюда. Егор скинул с себя кусок оплавившейся оконной рамы и приподнялся на локтях. Форма из наноткани с кевларовыми пластинами не дала осколкам покалечить тело, а вот о

лице не позаботилась – левую скулу жгло. Он осторожно потрогал щеку пальцем и нащупал впившийся в плоть кусок железа. Тогда Егор перевел взгляд на лавку. От помещения и улик ничего не осталось.

– Вот дерьмо... – пробормотал он.

Рядом приземлился взъерошенный попугай с опаленным хвостом.

– Дерррьмо! – подтвердила птица.

Глава 5. Лео

Город-муравейник Нижняя Эллада, планета Марс. 30 мая 2119 год

«Песчаная буря, названная метеорологами «Валькирией», уже вторые сутки бушует на равнине Аркадия. Порывы ветра достигают до 160 м/с, метеоагентство «Центра» предполагает, что в ближайшие пять часов сила ветра возрастет до 175 м/с и буря двинется севернее, после чего сойдет на нет.

В результате бедствия поврежден один из блоков башни терраформа «Север-4», почти полностью уничтожена вторая электрическая ферма. Подземные гидросистемы не пострадали.

Новостной канал «Марс онлайн».

В сознание Лео потоком транслировались образы: он видел, как ржавая пыль скручивается в гигантские воронки, похожие на хоботы хтонических чудовищ; как летят камни и рушатся скалы, и посреди этого хаоса ярким синим светом горит башня терраформа – символ незыблемой силы человека, покорившего Марс. Он знал, что сейчас все население Эллады с трепетом принимает эти образы и многие думают: «Не наступает ликонец нашей цивилизации? Не слишком ли мы заигрались в покорителей вселенной?» Впрочем, именно так они вряд ли думают. Скорее людей беспокоит шкурный интерес: что будет с колонией, если башня терраформа накроется медным тазом и подземный городок в Аркадии окажется не у дел?

Лео коснулся металлической дуги IP-кома за ухом и отключил видео-трансляцию. Имея за плечами десятки вылазок на поверхность Марса, он прекрасно знал, что транслируемые образы – всего лишь новостной конструкт. Нет, буря на равнине Аркадия бушевала на самом деле, только ни одна наземная камера не способна дать реальную картинку в таких условиях. Апокалипсис выглядит куда прозаичнее: серо-рыжая каша и помехи на дисплее. Вот и все зрелище. А как говорят земляне: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Сам Лео вполне довольствовался звуком, и пока поезд несся по извилистому подземелью муравейника, он продолжал слушать новости. На пылевую бурю было плевать. Город Эллада находится в долинах Маринера, чуть ниже экватора, и надежно защищен от пылевых бурь куполом. Чего не скажешь о регионах, приближенных к полюсам. Ту же Аркадию треплет по десять раз засезон. Лео сильно подозревал, что в «Центр ГЭК⁷», куда он сейчас направлялся, его вырвали именно из-за бури. Наверняка неполадки башни терраформанамного серьезнее, нежели треплются в новостях.

Экспресс летел по тоннелю – мрачной прямой кишке, обшитой антирадиационными зоволкном. Поэтому пассажирам предлагалось самим настраивать на интерактивных стеклах-панелях желаемый пейзаж. Лео ехал в купе бизнес-класса один, и всю дорогу за его окном шумел океан. Вдоль береговой линии росли пальмы, подставляя солнцу широкие листья, а в бездонном небе парили птицы. Картинка была настолько реалистичной, что Лео вопреки всякой логике ощущал кожей океанский бриз. Но даже столь яркий пейзаж за время пути надоед, и Бестужев задал новые настройки на плоской панели. Теперь за стеклом проносились Крымская Ривьера с живописными горами и сферическими отелями на скалистом побережье. Издали белоснежные здания походили на бутоны хлопка, потерявшиеся в бесконечной зелени. Идеальная красота.

– Уважаемые пассажиры, наш поезд прибывает на конечную станцию «Купол-Верхняя Эллада», – объявил приятный женский голос, в котором слышалось что-то ненастоящее. – Просьба освободить вагоны, удачного дня!

⁷ «Центр ГЭК» – Центр генетики и экзо конструирования.

Лео отстегнул ремень, и тот с шелестом спрятался в боках мягкого синего кресла. Поправив лацкан идеально подогнанного по фигуре пиджака, Бестужев вышел в общий отсек. Люди как раз поднимались с мест, кто-то спешил к выходу, кто-то будил уснувшего соседа.

Обходя пассажиров, Лео направился к раздвижным дверям вагона. Зеркальные панели отразили его крепкую фигуру в черном деловом костюме, галстук цвета грифельный металл и черные с белыми вкраплениями перчатки. Образ как нельзя лучше подходил для визита в «Центр». Строгость еще никого не портила. Ира как-то сказала: «В костюме ты похож на Дориана Грея. Подозреваю, что мне никогда не обличить твоих грехов⁸». Лео с ней не спорил. Пусть будет похож хоть на самого черта, главное чтобы не на Егора.

От воспоминаний об Ирине кольнуло в груди – лишние, ненужные эмоции перед ответственной встречей, когда стоит быть максимально собранным. Лео без труда отгородился. Сосредоточился на схеме станции, мысленно нарисовал анфилады залов, широкие ленты траволаторов. Кажется, впервые в жизни Лео был доволен, что оказался в толпе и может идти вместе со всеми к арочному выходу, позволяя мыслям смешаться с шорохом шагов, с ровным гулом многоязычной речи. Подобно впадающей в море реке, толпа пассажиров вырвалась на площадь Эллады и слилась с новыми марсианами, как называли себя обосновавшиеся на Марсе. Новая раса, бросившая вызов трудностям красной планеты, их неизменный девиз: «Только вперед!». Своим символом они выбрали марсианского туркана – грызуна, не умеющего пятиться. Именно его длинноухая мордень украшала герб Эллады.

Лео двинулся к парковке электромобилей, где оставил свой серебристый седан. Пользоваться авто можно было только в Верхней Элладе, и многие вовсе не обзаводились стальными конями, предпочитая брать на прокат. Лео же не смог отказать себе в подобной прихоти. Не то чтобы он по десять раз на дню бывал наверху, скорее прожитые на Земле годы давали о себе знать. Там без машины никак.

Вжав кнопку старта на панели, он дождался включения систем и газанул к выезду на гладкую зеркальную дорогу. При проектировании Эллады архитекторы позаимствовали концепцию городов у древних марсиан и спрятали основную часть поселения под землю. Слои реголита надежно защищали тоннели «муравейника» от радиации, а на поверхности с этим справлялся купол. Такие же купола из керамопласта и отражателей укрывали фермы в пригороде. Конечно, большая часть сельхозпроизводства была сосредоточена под землей на гидронных фермах, но в последние годы люди активно стремились выбраться на поверхность. Близость дня, когда атмосфера Марса станет пригодной для дыхания, не давала покоя мечтателям и исследователям. Лео знал, что не доживет до того момента, когда сможет ступить на красные пески без скафандра, шлема и регенератора воздуха. Проект «Грин Марс» рассчитан на четыреста с лишним лет, а башни отпахали всего пятьдесят. Протянуть столько ему не удастся ни с одной модификацией.

Машина плавно скользила в скупом потоке двустороннего движения. Дорога змеей вилась между белыми многоэтажками и сферическими бизнес-центрами; поднималась ввысь, огибая вокзал наружного сообщения, и снова тянулась к земле. На обочине красовались клумбы, где росли папоротники и пестрые фикусы, местами попадались ухоженные мальвы. О том, сколько воды, с таким трудом добытой из ледников, уходит на создание глянцевої картинки «Счастье на Марсе» – людям с нежной психикой лучше не знать. На каждого жителя приходился строгий лимит H₂O, и помывка вне графика – роскошь.

Вскоре показалось здание «Центра ГЭК». По-марсиански величественное: с фасадом из красного гранита, специально завезенного с Земли, и кровлей в виде раскрытой раковины мол-

⁸ Дориан Грей – персонаж романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» 1890 г. В письмах Уайльд говорил о своем персонаже: «Каждый человек видит в Дориане Грее свои собственные грехи. В чем состоят грехи Дориана Грея, не знает никто. Тот, кто находит их, привнес их сам».

люска. На одном из брифингов, плавно перетекшим в возлияния, Лео довелось пообщаться с архитектором здания «Центра». Тот долго и путано объяснял концепцию строения. Если не углубляться в типизацию первичноротыхцеломических животных со спиральным дроблением, то смысл крыши заключался в том, что вся жизнь произошла от моллюсков. Еще в начале прошлого века на снимках, переданных марсоходом Curiosity, былоизображение гигантской раковины на поверхности планеты. «Ну, и кому еще возлежать на крыше «Центра», как не нашему брату моллюску?» – вопрошал у Лео основательно выпивший архитектор и визгливо смеялся собственной шутке.

Оставив машину на парковке, Лео вошел в здание и остановилсявозле пропускной рамки в фойе.

– Пожалуйста, поднесите ваш пропуск к идентификатору, – попросил искусственный голос.

Датчик мигнул, сменив цвет с красного на зеленый.

– Добро пожаловать в «Центр генетики и экзо конструирования»! Удачного дня, доктор Бестужев.

Большие стеклянные двери разъехались в стороны, впустив Лео в «Центр ГЭК» – святая святых науки, щупальце аппарата управления Федерации, обитель надежд человечества. В разгар рабочего дня здание буквально кипело. Многочисленные кабинеты, лаборатории, исследовательские боксы и тестеры нанотека; люди в белых халатах и серых комбинезонах; сверкающая металлом робототехника. Монотонный шепот сканеров, неразборчивые фразы, шелест гидравлических дверей. Еще со школы Лео мечтал стать частью этого гигантского организма. А поскольку Бестужев не относился к числу пассивных мечтателей, то добился цели. Пускай и не без проблем. Он знал, о чемтреплются за спиной завистники – что без содействия Ирины его карьера не шла бы так гладко, – но в этом была лишь доля правды. Лео всегда был уверен в собственных силах.

В конференц-зал он вошел последним. За большим проекционным столом из матового стекла уже собрались начальники отделов и руководители проектов. В целом пятнадцать человек элиты «Центра», к которой Лео, увы, не относился. Пока не относился, но был уверен, что однажды это изменится. Кого-то из собравшихся он знал лично, кого-то понаслышке. Кивнув сразу всем, Лео сел в свободное кресло рядом с Джоном Митчеллом – человеком с узким гладковыбритым лицом, с глубоко посаженными карими глазами, из которых текла по-змеиному острая надменность.

– Господа, – интонация Митчела была под стать выражению глаз, – позвольте представить доктора Леонардо Бестужева. Он ранее не присутствовал на наших собраниях, и время покажет, правильное ли мы приняли решение, исправив этот недочет.

Присутствующие заулыбались, обстреливая Лео взглядами, в которых смешались любопытство и насмешка. Кажется, сейчас он был для них чем-то навряде того самогобрата-моллюска. Ища поддержки, Лео покосился на знакомых по работе над терраформом Сержа Нечаева и Мэй Лин. Но они о чем-то негромко спорили и, казалось, даже не заметили его появления.

– Леонардо, вы, наверняка, мучаетесь догадками, для чего вас пригласили, – продолжал Митчел.

– Почему же мучаюсь? – в тон ему ответил Бестужев. – Я известен, как специалист по экосистемам. Так что, вероятнее всего дело в урагане «Валькирия» и поломке башни терраформа.

– Ну, помимо прочего вы еще и астробиолог, – небрежно заметил Джон. – А с башней вы ошиблись, дорогой Леонардо, даже в «молоко» не попали. Как только буря утихнет, группа техников из Эллизия выедет к «Северу-4», чтобы полностью заменить энергоблок и сопутствующие модули. Транспортник доставит все необходимое в течение восьми часов.

Лео холодно улыбнулся. Обычно за такой улыбкой он прятал растерянность.

– Простите, первый заместитель, но я не совсем понимаю, – сказал он. – На данный момент у нас НЕТ запасного энергоблока такой мощности. Это значит, что его придется снять с недостроенного бура в кратере Элизий и лишить сердца проект, на который были убиты годы работы. Я считаю, что куда целесообразнее временно ослабить «Север-3» и «Север-2», снизив нагрузку на цепи, чтобы заняться ремонтом. Без бура программа терраформирования откажется на десятилетия назад.

Он заметил, как присутствующие обменялись улыбками. Так взрослые слушают малыша, гордого тем, что собрал из кубиков слово «мама». Бестужев почувствовал, что закипает. «Так, спокойно, – сказал он себе. – Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Однажды наступит день, когда они будут искать моей дружбы, а я стану выбирать и отбраковывать».

Джон со скучающим видом рассматривал свои глянцевые ногти. Таким же скучающим взглядом он окинул зал, затем приподнял манжет кремовой рубашки, откуда показался черный ремешок «ролекса». Сверившись с часами, он, наконец, сказал:

– Perasperaadastra⁹, Леонардо. Проект «Грин Марс» рассчитан на четыреста семьдесят пять лет. Десяток туда... десяток сюда... Какая разница? Поверьте, дорогой друг, скоро это вовсе не будет иметь значения. Даже Марс скоро *не будет иметь значения*.

– Почему же? – удивился Лео.

Его вопрос заглушили голоса: коллеги вставали, глядя ему за спину с подобострастным выражением на лицах. Бестужев обернулся. В зал вошел Иосиф Лагунов – один из самых влиятельных людей Марса, директор «Центра ГЭК». Осознав, что все еще сидит, Лео поспешно встал.

Лагунов был невысоким крепко сложенным мужчиной с аккуратно зачесанными назад каштановыми волосами и сталью благородной проседи на висках. Все в нем говорило о силе и уверенности: прямой взгляд, тонкая линия губ, в жестах сквозила ленцаразморенного солнцем хищника. Бизнесмен и грамотный руководитель, безудержный мечтатель, чьи сумасшедшие идеи подарили человечеству Марс. На вид ему вряд ли дашь больше сорока, а вот истинный возраст – загадка. Поговаривали, что Лагунов несколько раз менял свой биочип, и что ему давно перевалило за сотню. В эту чепуху, щедро приправленную мистикой, Лео не верил. Сплетни, ничего более.

– Прошу, дамы и господа, не стоит тратить время на формальности, – сказал директор и занял белое кожаное кресло во главе стола.

Все сели вслед за ним.

– Прежде чем перейти к делам, предлагаю поприветствовать нового члена нашего закрытого клуба – доктора Леонида Валерьевича Бестужева.

Вроде те же слова, что были сказаны ранее Митчелом, но у Лагунова они звучали доброжелательно, без тени издевки. Он говорил о Лео, как о равном – и это не могли не заметить. Бестужев вновь поймал на себе косые, но теперь скорее задумчивые взгляды. Ему казалось, он слышит мыслиобрававшихся: «А этот парень, видать непрост». Только глава исследовательского бюро, Тина Иприкян скорчила брезгливую мину, будто вступила в дерьмо.

Лео демонстративно остановил холодный взгляд на ажурной полоске еечулок, едва выглядывающей из-под юбки. Скривив губы в улыбке, Тина закинула ногу на ногу, показав и ажур, и загорелое бедро. Ее вид говорил: «Все это не для тебя, мальчик. Можешь облизываться сколько угодно».

«Подожди, детка, ты меня еще узнаешь», – ответил ей взглядом Бестужев и отвернулся на Лагунова.

– Я собрал вас здесь, чтобы поделиться планами, – говорил директор. – Не побоюсь этого слова: далеко идущими планами. Некоторые из вас уже в курсе происходящего, – взгляд в

⁹ лат. Через тернии к звездам

сторону Джона Митчелла, – а кому-то только предстоит открыть для себя новый фронт работы. Уверяю: каждый из вас сможет реализовать свой потенциал, наши имена войдут в историю.

Раздались аплодисменты. Сначала редкие, затем все нарастающие, зал буквально сотрясая от оваций. Директору пришлось поднять ладонь, призывая к тишине.

– Джон, если не затруднит, введи коллег в курс дела, – распорядился Лагунов.

Митчелл забегал пальцами по сенсорной панели стола. Повинуясь настройкам, матовая поверхность оживала: на ней вырастали горы, разливались моря и реки, в изумрудном небе мерно плыли пушистые облака. Голограмму пересекала сетка координат, и Лео понимал: перед ним не Земля. Колыбель человечества давно сменила зеленый облик на маску из бетона и вены автострад. Вместо облаков – тяжелый смог.

– Этому конструкту, созданному по снимкам телескопов, больше пяти лет, – заговорил Джон, оскалив в улыбке крупные квадратные зубы. – Старье, если подумать. А вот это... – голограмма сменилась похожим изображением, справа всплыли столбцы характеристик, – это реальные данные со спутника, выпущенного «Прометеем» две недели назад. Коллеги, перед нами Тау Кита f, прошу любить и жаловать!

Джон улыбнулся с выражением такого торжества, будто лично открыл эту планету. Его квадратная улыбка разошлась как под копирку. Лео тоже улыбался, делая вид, что в курсе происходящего, хотя на самом деле ни черта не понимал. Господи... Они что, отправили туда непилотируемый корабль?! В созвездие Кита, за двенадцать световых лет от Солнечной системы, к экзопланете, которую долгое время считали недотягивающей до планки «жизнепригодная»? Это безумие!

Похоже, о безумии думал только он. И ничего не понимал тоже только он.

Судя по довольным лицам седых профессоров, по тихим перешептываниям между начальниками отделов, по подмигиваниям Мэй Лин и Сержа, и по безразличию стервозной Иприкян – они знали. Интересно, как давно запущен проект? И почему об этом нет ни слова в стратегических планах «Центра ГЭК» или в научных публикациях? Чем больше Лео думал об этом, тем сильнее становилась внутренняя дрожь. Это невероятное открытие. Это будущее человечества – иначе не оценить.

– Как скоро «Прометей» выйдет на орбиту, чтобы можно было отправить на поверхность зонды? – спросила Тина Иприкян с такой интонацией, будто интересовалась у своего стилиста, с каким шарфиком лучше носить эту блузку.

Ответил директор Лагунов:

– Уже. «Прометей» полностью готов к работе. И я хочу, чтобы исследованиями занялся ваш отдел, Тина.

– О, с этим проблем не возникнет, – заверила Иприкян. – Считайте, что зеленый шарик уже наш. Все будет в лучшем виде.

– Что ж, теперь, когда стало ясно, что все наши предположения и расчеты в отношении Тау Кита оказались верны, я объявляю проект «Прометей» открытым!

И снова по залу прокатились аплодисменты. Лео тоже аплодировал, и все это время его не покидало восхитительное чувство причастности к чему-то особенному, грандиозному.

Ответив на несколько вопросов, суть которых ускользала от Лео, Лагунов поднялся с кресла:

– На этом все. Каждый из вас получит персональный пакет данных по проекту. Указания и рабочие векторы тоже там. Если появятся вопросы, Джон все прояснит.

Прежде чем стеклянная дверь бесшумно закрылась за спиной Лагунова, коммуникаторы залились сигналами входящих трансляций. Коллеги просматривали информацию, что-то бубнили себе под нос и с озадаченным видом тянулись к выходу. Лео нащупал в кармане пиджака коммуникатор и украдкой глянул на дисплей – ему сообщений не приходило. Разочарованный таким поворотом событий, он направился к двери.

– Бестужев, Иприкян, останьтесь, – окликнул Джон и ткнул указательным пальцем на кресло. – Тиночка, я хочу, чтобы вы помогли Лео вникнуть в суть проекта. Теперь ваше бюро официально отвечает за техническую часть «Прометей».

В кресло Иприкян не села. Она уложила свой аккуратный зад на край стола, достала из кармана приталенного сиреневого пиджачка пачку сигарет и закурила. Эта невысокая язва с большими фиолетовыми глазами и каре «под Клеопатру» могла позволить себе делать, что угодно и говорить, что угодно. Причина проста – ее отец был партнером Лагунова и владел активами «Центра».

– Джонни, мне совершенно некогда заниматься вот этим, – сказала она. Огонек сигареты устался на Лео. – За двенадцать световых лет отсюда ждет «Прометей», а мы говорим о всяком...

– Мы говорим о работе, – отрезал Джон. – Доработки проекта терраформирования, предложенные лабораторией Бестужева, хорошо показали себя в деле и быстро окупались. К тому же, у Лео докторская степень по астробиологии, и он долгое время проработал с Ириной Самойловой, чтобы кое-что понимать. Так что, уйми свой ПМС.

Лео поморщился: ну вот, теперь господин Квадратная улыбка защищает его, будтослабака.

Иприкян затушила недокуренную сигарету в стакане с водой.

– Хорошо, – вздохнула она с видом страдальцы. – Но это разовая акция, Джонни. Сейчас предстоит столько работы, что лучше не отвлекаться и не портить нервы. А у меня между прочим действительно ПМС.

– Надеюсь, я не мешаю вам своим присутствием? – иронично подметил Лео.

Оба повернулись к нему с таким видом, будто действительно только что увидели.

– Предлагаю оставить обсуждение цикла госпожи Иприкян до ее визита к гинекологу, а нам перейти к области РЕАЛЬНЫХ интересов.

Джон хмыкнул; на щеках Тины проступили красные пятна. Надо же, оказывается, она тоже умеет смущаться.

– Тина, я не отниму у вас много времени, – произнес Лео все с той же интонацией иронии и легкого превосходства. – Просто передайте мне материалы для изучения. Думаю, завтра после двенадцати, уже можно будет приступить.

Он широко улыбнулся, глядя ей в глаза:

– Поверьте, я вас не разочарую. Кажется, уже понял, что вам надо.

– Очень на это надеюсь, – бросила Иприкян и стремительно вышла из кабинета.

Мужчины проводили ее жадными глазами. Джон рассмеялся, в очередной раз прорекламировав своего стоматолога:

– Красота и амбиции – смесь взрывоопасная, – сказал он.

– Что ж, оставим красоту красоте. Мне бы хотелось получить ответы на вопросы. Если, конечно, вы не возражаете, первый заместитель.

– Начинайте, – доброжелательно произнес Митчелл, и Лео удовлетворенно заметил, что из его интонации исчезло высокомерие.

– Как давно стартовал «Прометей»?

– В созвездие Кита мы отправили корабль пробоем восемь месяцев назад. Никто тогда особо не верил в успех, сомневались все, кроме Лагунова. И вот результат: двигатель Маслова доработан, проход через кротовую нору осуществлен. Это больше не гипотеза, это факт. Новая космическая эпоха.

– Так понимаю, проект засекречен.

– Да. Благодаря связям Иприкяна и Лагунова Земная Федерация одобрила проект и выделила финансирование. Поэтому я сказал, что вскоре Марс не будет иметь значения, – Митчелл встал и обошел стол, где все так же плыли пушистые облака над горами и реками далекой неизу-

ченной планеты. – Посмотрите на нее, Лео, она прекрасна. Тау Кита f будто создана для людей. Вам ли не знать, что человечеству на Земле отмерян небольшой срок. Теперь, когда продолжительность жизни изрядно возросла, когда технологическая революция требует все больше пищи, чтобы насытить свои горнила, нам не будет места на Земле. Перенаселение, истощение ресурсов – вот что нас ждет через несколько столетий. Конечно, орбитальные города-станции, Марс, Церера и Пояс Астероидов решат проблему, но ведь есть и другие способы.

О том, что эти «другие способы» пока выглядят как фантазия в стим-моде, Лео промолчал. Одно дело отправить в червоточину непилотируемый корабль, другое – ковчег. Люди не приспособлены, даже с учетом нынешних модификаций, организм не выдержит перегрузки. И все же он понимал, что через двести-триста лет это уже не будет казаться чем-то далеким. Ведь буквально сто лет назад далеким казался Марс.

– Я благодарен «Центру» за эту уникальную возможность, – вежливо произнес Лео. – И сделаю все, что в моих силах.

– Надеюсь, – заметил Джон, в его голосе вновь промелькнула насмешка.

Лео мысленно улыбнулся. Конечно, он не рассчитывал, что за способность поставить на место зарвавшуюся стерву, все решит. Надо доказать, что он действительно необходим проекту.

– Что от меня требуется?

– Вы тесно работали с Ириной Самойловой, а значит, кое в чем разбираетесь. Я хочу, чтобы вы возглавили археологическую группу.

Предложение оказалось более чем неожиданным, Лео нервно сглотнул.

– Археология не мой профиль.

– Это не важно, – небрежно махнул рукой Митчелл. – Мне не нужен очередной скребун, мне нужен руководитель. Вам будет выделена группа, с которой вы отправитесь в Лабиринт Ночи и добудете «Центру» то, над чем работала Самойлова и ее команда.

Глава 6. Татьяна

Метроплекс Санкт-Петербург, планета Земля

– Мы прерываем эфир срочным сообщением, – на лице ведущей новостного канала появилось скорбное выражение: – В эти минуты в центре Старого города пожарные ликвидируют пожар в здании у Кокушкина моста.

Татья вскинула голову: на голограмме, закрывающей облупившуюся стену, появилось то самое, с красной маковкой, которая сейчас была объята пламенем. Сердце ухнуло вниз и застучало тяжело, надрывно. А как же Карл Вениаминович? Удалось ли ему спастись? Татьяна пыталась разглядеть катер «скорой помощи», но видела только оранжевые пожарные лодки. Может, «скорая» уже уплыла?

– Пожару присвоена третья категория сложности, – продолжала ведущая, хотя, если начистоту – полведущей. Из-за поломки консоли голограмма показывала только правую половину девушки. Ремонту такой хлам уже не подлежал, а денег на покупку новой консоли не было.

– Надеемся, что здание удастся сохранить. Примечательна история этого дома. В начале творческого пути в нем поселился Николай Васильевич Гоголь, там им были написаны «Вечера на хуторе близ Диканьки». Именно с Кокушкина моста начинал свой путь к дому старухи-процентщицы Раскольников в известном произведении Федора Михайловича Достоевского. В настоящее время в здании располагаются туристические агентства, сообщество репетиторов русского языка и литературы, а также лавка древностей.

– Тань, что там опять случилось? – раздался за спиной голос матери.

– Пожар, – ответила она, не оборачиваясь.

– Пожа-а-а-р, – протянула мать со значением. – У меня тоже пожар. Трубы горят, а тебе плевать на родную мамочку!

Татья покусала губу, нехотя повернулась. Смотреть на мать в таком состоянии было тяжело. Обрюзгая, в засаленном халате она лежала на тахте, глядя на Татьяну из-под согнутой в локте руки. С мебелью было скучно. Тех денег, что удавалось заработать Татьяне репетиторством, хватало лишь на пропитание и необходимую одежду. Мать давно нигде не работала, а пособие «для граждан в затруднительной ситуации», или как говорят служащие: «Соцпакет-31», спускала на выпивку. Ее два раза лечили в социальной клинике, но эффекта хватало ненадолго, и с каждым разом зависимость от спиртного становилась только сильнее. Татьяна мечтала о модификации для матери. В своих фантазиях она видела ее такой, как раньше: молодой красивой женщиной с обворожительной улыбкой, легкой и веселой как бабочка. Однако удовольствие не из дешевых, и на пожизненный прием нанотека денег нет.

На одутловатом лице матери появилось плаксивое выражение:

– Танечка, дочка, пожалей. В груди жжет.

– Четвертая категория сложности, – угрюмо произнесла Татьяна. – Хорошо, к семинару подготовлюсь и схожу.

– А сейчас? – с надеждой спросила мать.

– Я сказала: к семинару подготовлюсь и схожу, – огрызнулась она и прошла к себе в комнату. Достала из тумбочки спрятанную вещицу, полученную от Карла Вениаминовича. Это была небольшая, в половину ладони пластина белого металла, на которой слабо светились письмена на неизвестном языке. Судя по неровному краю, пластина была частью чего-то большего. Татьяна не представляла, для чего старьевщик передал ей вещицу, и главное – что с ней дальше делать. А у него теперь уже не спросить. Оставлять кусок у себя тоже боялась: не из-за этой ли штуки к старику пришли полицейские? И последующий пожар... Вдруг пластину будут искать?

А если старьевщик рассказал, что отдал ее Татьяне?! От страха пересохло во рту.

Нужно позвонить Крюку. Он умный и обязательно придумает, что делать, – подумала она. Первым делом Игорь, конечно же, отчитает за то, что взяла пластину. Но, как выпустит пар, обязательно посоветует что-нибудь дельное. На сердце сразу стало спокойнее.

Положив пластину в сумку, Татьяна надела желтые шорты, синюю майку, накинула ремешок сумки на плечо, вышла в прихожую, обулась и как можно тише закрыла за собой дверь квартиры. Не хотелось, чтобы мать знала, когда именно она ушла.

Стоило выйти из парадной, как ее окружила какофония звуков. Гудели стоящие тесными рядами улы-дома, по проходящей в сотне метров трехуровневой автострате с ревом пронеслись большегрузы, интерактивные рекламные баннеры только успевали считывать характеристики автомобилей, чтобы успеть впарить водителям запчасти, подходящие именно для их машины. «Скидки до пятидесяти процентов только сейчас и только для вас!»

Татьяна достала коммуникатор и набрала личный код Крюка. На черном фоне экрана появилась белая надпись: «Данный код не обслуживается».

Как не обслуживается? Что за ерунда?! Они ведь разговаривали сегодня утром! Может, перепутала код? Татьяна проверила цифры: нет, все верно. Глючит система? Она повторно набрала код, и вновь на экране коммуникатора появилась надпись «Данный код не обслуживается».

Татьяну обожгло воспоминание о лекции. Неужели Игоря выгнали из ВУЗа? Тогда возможно, что его код попал под блокировку – хотя она о таких мерах прежде не слышала. Как же его найти?

Нужно ехать на кафедру. Она взглянула на часы: половина шестого вечера, пока доберется до Старого города, будет восьмой час. Останется ли кто-нибудь на кафедре? Может, поехать сразу к нему домой? Там жена и дети – ну и что, один раз можно, пусть Крюк придумает какое-нибудь достоверное объяснение ее визиту.

Она в нерешительности посмотрела на коммуникатор. Что делать? Пожалуй, лучше начать с института.

* * *

ВУЗ встретил тишиной и прохладой коридоров, каждый даже самый тихий шаг отдавался эхом от высоких потолков. Со стен на Татьяну взирали голограммы преподавателей. Проходя мимо портрета Крюка, она приостановилась: он смотрел с полуулыбкой и лукавинкой во взгляде. Голограммы обновляли буквально месяц назад, Игорь был на ней именно таким, какой сейчас в жизни. Он сидел за столом в рабочем кабинете, облокотившись на здоровую руку и опустив больную вниз, так что увечья не было заметно. На столе горел сенсорный экран, тускло блестели золотые буквы на корешке книги «Стивен Кинг», рядом еще лежали какие-то бумаги, таблички.

Сердце забило быстрее. Подгоняемая нетерпением, Татьяна направилась к кафедре литературы. Отчего-то у нее появилось ощущение, что Игорь должен быть там – без вариантов. Она представила, как он стоит возле интерактивной стены, на которой плещется Адриатика. Сейчас Татьяна распахнет дверь и с разбега бросится ему на шею. Он удивленно обернется, спросит, что она делает здесь так поздно, но она не даст ему договорить. Прильнет к его губам и будет целовать: жарко, долго.

Добежав до двери с надписью «Кафедра лингвистики», Татьяна рванула ее на себя и отступила пораженная: дверь оказалась закрыта. Как же так? Ведь она уже проделала этот путь в воображении, и распахнула, и забегала, и...

Она дернула дверь еще раз.

Над дверью загорелась красная лампочка и металлический голос строго произнес: «Попытка несанкционированного проникновения. Введите код доступа для отмены».

Вдалеке послышались шаги. Не хватало еще, чтобы ее поймали на взломе кафедры! Татьяна попятилась назад, затем прибавила шаг, надеясь уйти до того, как ее увидят. Проходя мимо портрета Крюка, мельком взглянула на любимое лицо. «Где же ты, когда так мне нужен?!»

Мазнула взглядом по бумагам, которые он придавил локтем и... замерла пораженная. Среди прочих, там была фотография металлической таблички один в один похожей на ту, что дал ей Карл Вениаминович. Чувствуя дрожь в руках, Татьяна достала из сумки кусок металла, поднесла ближе к голограмме. Даже неровность края одинаковая. Сомнений не осталось: на столе у Крюка месяц назад лежала фотография таблички, которую старьевщик хотел спрятать от полиции.

* * *

Вода с тихим плеском набегала на гранитные плиты, касалась ног Татьяны, оставляя на мокалинах мокрые разводы. Она сидела, обхватив руками колени и зажав в правой ладони кусок таблички. Сквозь пальцы проникал слабый свет: это светились письма на непонятном языке. Сама себе Татьяна напоминала жертву кораблекрушения, выброшенную на берег в незнакомом месте. Она была окружена людьми, но не знала, к кому обратиться за помощью. Кажется, еще нигде в жизни ей не было так одиноко.

На город опускались сумерки, и разбросанные по реке здания напоминали корабли со спущенными парусами. Их мачты-шпили заволокло вечерней дымкой, казалось, они прислушиваются к шуму современного города. Там, за чертой Старого Петербурга бурлила жизнь: сияли витрины, на стенах домов навязчиво мельтешили рекламные ролики, все куда-то несло в безумной надежде успеть ухватить самое важное, что никто никогда не видел, но все называют «счастьем». А Старый город взирал на них с высоты прожитых веков, точно на разыгравшихся детей. Он мог бы рассказать, что счастье заканчивается здесь, в набегающих на гранит темных водах и здесь же начинается, чтобы вновь завершиться.

Татьяна разжала ладонь и в который раз посмотрела на металлическую табличку. Непонятные письма дразнили неизвестностью, а она чувствовала себя полной дурой: будущий филолог не может прочесть ни одного слова. Мысли путались, ускользали. Кто даст ответы?

Она уже обзвонила больницы, узнала, что после пожара на Кокушкином мосту к ним никто не поступал. Значит, либо Карла Вениаминовича в тот момент не было в лавке, либо произошло самое страшное – он погиб. Его код коммуникатора ей неизвестен, плыть к Кокушкину мосту не имело смысла. Связаться с Крюком так и не удалось, а ехать к нему домой Татьяна не решалась. Она не могла объяснить себе словами, но чувствовала: то, что на столе Игоря лежала фотография таблички, все меняет. Она ни разу не была с ним в лавке старьевщика и даже не помнила, чтобы у них заходила речь об этом месте. И, тем не менее, его и Карла Вениаминовича связывает эта вещь.

Она вновь набрала код Игоря и вновь получила тот же ответ. Значит, придется ждать до завтра – до его лекции.

Запиликал коммуникатор.

«Игорь!» – мелькнула шальная мысль.

Но на экране высвечивалось лицо матери. Она хмурила брови и гневно шевелила губами, беззвучно проговаривая все, что выскажет сейчас дочери. Татьяна отключила коммуникатор. Тем не менее, вызов привел ее в чувство. Довольно созерцать реку жизни, пора по ней плыть: по течению или против – уж как придется. А пока она поедет, купит матери что-нибудь легкое из выпивки, чтобы «потушить трубы», затем ляжет спать, завтра проснется, поедет на лекцию, встретит Игоря и все объяснится. Все наладится.

Подплывая на трамвайчике к арке из стекла и металла, с горячей белой надписью «2050» – год, когда наводнение разделило Петербург на Старый и Новый, Татьяна вспомнила

недавний разговор с одной из своих учениц, которая приходила к ней на занятия по игре в твинс. Увидев мать, ученица спросила, почему Татьяна не сдаст ее в приют для обуз?

«Она для меня не обуза», – сухо оборвала та.

«Странно», – заявила ученица, на что Татьяна ответила, что на этом их занятия по твинсу прекращаются.

«Приютом для обуз» неофициально назывался комплекс зданий в Муринском дистрикте, и название говорило само за себя. Содержание в «ПДО» было платным, и в зависимости от тарифа, постоялец мог жить как в сыром номере без удобств, так и в люксе. Заведение появилось лет пятнадцать назад и сперва занимало два этажа бывшей стоматологической больницы, но стало так популярно, что теперь разрослось до целого квартала. Признаться, порой у Татьяны нет-нет да проскакивала мысль сдать мать в «ПДО», но она тут же себя корила: так нельзя! Она не допустит, чтобы мать стала одной из тех призраков, выброшенных за пределы нормального общества. Скоро она выучится, найдет высокооплачиваемую работу и сможет сделать матери хорошую модификацию, после которой та навсегда завяжет с выпивкой.

* * *

Татьяну разбудил писк коммуникатора. Плохо соображающая со сна, она села на кровати, тупо уставилась на светящийся экран. Оттуда на нее гневно смотрела жена Крюка, которую Татьяна не раз видела на голографиях в их доме. Жена Крюка можно было бы назвать миловидной, если бы не дрожащие губы и покрасневшие от слез глаза. Темно-каштановые, заколотые наверх волосы были растрепаны. Она нервно сжимала и разжимала отложной ворот платья, отчего тот превратился в мятую тряпку.

Татьяна взглянула на прикроватные часы: половина третьего ночи. Из соседней комнаты доносился храп матери.

– Ответь на вызов! – приказала женщина в коммуникаторе. – Я чувствую, что ты там.

Она потянулась к иконке отбоя, но в последний момент остановилась. Может звонок связан с блокировкой кода Игоря?

Пригладив растрепавшиеся от сна волосы, Татьяна нажала на «ответ».

– А, вот и ты! – визгливо воскликнула жена Крюка. – А он где? Сейчас же позови его!

– Я... Не понимаю, о чем вы, – пробормотала Татьяна.

– Не прикидывайся! – губы женщины задергались еще больше. – Думаешь, я не знаю, что ты спишь с ним? Знаю. А вот ты не знаешь, что ничего для него не значишь. Ты одна из десятков таких же идиоток! Но потом он все равно возвращается ко мне! Давай же, позови его! Хорошо, я сама. Мне не привыкать вытаскивать его из коек шлюшек.

– Здесь никого нет, кроме меня! – воскликнула Татьяна. – Посмотри сама!

Она повернула коммуникатор, чтобы стала видна вся комната.

– Значит, спрятался! – заявила жена Крюка и, повысив голос, позвала: – Покажись, трус! Пусть твои дети увидят, где шляется их папа по ночам.

Она наклонилась вправо:

– Иди сюда, Сонечка. Сейчас мы будем играть в игру «Найди папу у шалавы».

Раздалось детское хныканье. Увидеть еще и детей Крюка было выше ее сил, и Татьяна дрожащей рукой выключила коммуникатор. Сразу же со всех сторон стиснула тишина. Кажется, даже мать перестала храпеть.

Некоторое время Татьяна сидела, сжимая руками виски. Если отбросить сантименты, в сухом остатке получалось, что Игорь пропал. Его код заблокирован, дома он не появился. Одна надежда на завтрашнюю лекцию, но плохое предчувствие подсказывало, что он и туда не придет. Вскочив с кровати, Татьяна заходила по комнате из угла в угол. Сон прошел, ее бил мелкая дрожь, руки замерзли. Что делать? К кому обратиться? Звонить в полицию? Кем пред-

ставиться? Да и что им сказать: мне только что звонила жена любовника и сообщила, что он не вернулся домой. На мои звонки он тоже не отвечает. Вот у полицейских смеху-то будет! Наверняка ее утешат тем, что Крюк устал от их обеих и нашел себе третью.

Но к кому обратиться за помощью?!

Неожиданно в памяти всплыло имя – Натка! – и образ пухленькой вечно прикалывающейся одноклассницы. В школе они были дружны, но потом Татьяна поступила в институт и увлеклась твинсом. На подруг совсем не осталось времени. Да, Натка именно тот человек, который нужен. Ее брат работает в полиции. Татьяна представления не имела, в каком подразделении, но они же там все связаны. Натка обожала рассказывать о том, что полицейские одна семья, а ее брат самый лучший, честный и храбрый из всех. Может, самый честный полицейский не откажется помочь подруге сестры в ее маленькой беде?

Она вновь взглянула на часы: половина четвертого утра. Обычные люди спят. Вот только Натка всегда была тусовщицей и ночь напролет шаталась по богемным местам. Изменилось ли что-то за три года, которые они не виделись, Татьяна не знала, однако, решила рискнуть.

Коммуникатор тихо мурлыкал, повторяя вызов снова и снова – все впустую. Когда Татьяна перестала надеяться на ответ и хотела дать отбой, на экране появилось круглое лицо подруги. У нее были изумрудные волосы и похожие на щетки оранжевые ресницы. Фоном гремела музыка, вокруг бесновалась толпа. Золотая молодежь. Татьяна почувствовала укол зависти: им не нужно завтра вставать на работу или учебу, не надо думать, чем платить за квартиру; они могут всю ночь плясать и веселиться, ведь родители уже обеспечили им успешное будущее. Честно говоря, причина охлаждения к подруге заключалась еще и в этом: слишком разные заботы у них были. Семья Натки не относилась к особенно состоятельным, но подруга могла запросто позволить себе не работать и уже который год «готовиться к поступлению».

– Танюха?! – завопила Наташа. – Вот так да! Подожди, я отойду в тихое место.

Музыка стала тише, потом Натка спросила:

– А ты почему не спишь? Ты где вообще? Комната какая-то незнакомая.

– Стены перекрасила, – понимая, что говорить ни о чем они могут бесконечно долго, Татьяна решила сразу перейти к делу: – Наташа, у меня образовалась одна проблема и я не знаю, к кому еще обратиться.

– Ага, значит, обо мне ты вспоминаешь, когда больше не к кому обратиться, – обиженно протянула подруга и надула пухлые губы.

Татьяна поморщилась: переговоры никогда не были ее сильной стороной.

– Да нет же... – поспешно возразила она. – Просто...

– Ладно, не извиняйся, – со смешком перебила Натка. – Что случилось?

– Исчез один человек... Я люблю его... У тебя же брат в полиции, может...

– Давно пропал?

– Нет, не очень.

– Ну, сколько? Неделю, две?

Татьяне стало стыдно говорить, что она не видела Крюка всего несколько часов. Но не рассказывать же Натке через коммуникатор все подробности: о старьевщике, табличке, пожаре, блокировке кода Игоря.

– Неделю, – сказала она с запинкой, боясь даже подумать о том, во что может вылиться эта ложь. Ей уже не хотелось, чтобы брат подруги занялся поисками, и сама идея вызывать Наташу ночью представлялась теперь несусветной глупостью.

– А в полицию ты обращалась?

– Нет, – раздраженно обронила Татьяна. – Дело в том, что он женат, и я не хочу, чтобы кто-то узнал...

– Ты связалась с женатым?! – подруга выпучила глаза, став похожей на обвитую зелеными водорослями рыбу.

– Ну... не так, чтобы серьезно...

– Нам нужно встретиться и поговорить, – безапелляционно заявила Натка. – У брата сейчас какая-то задница на работе, но я заставлю его помочь нам, только тебе нужно сообщить побольше сведений о своем женатике.

Татья подумала, что возможно, это единственный способ найти Крюка, и кивнула.

– Отлично, – продолжала Натка. – Ты еще учишься? Когда освободишься?

– После четырех. Где встретимся?

– Приезжай ко мне. Только я дома буду не раньше девяти.

«И зачем было спрашивать, во сколько я освобожусь?» – раздраженно подумала Татьяна.

– Хорошо, – ответила она.

Из соседней комнаты раздался голос матери:

– Танька, это ты ночью болтаешь?

Бросив взгляд на дверь, она скороговоркой сказала:

– Я не могу долго говорить. Завтра вечером приеду к тебе. К девяти.

И завершила вызов.

* * *

На следующий день Крюк не появился на лекции. Студенты как-то сразу решили, что он модифицирует руку. Татьяна представления не имела, откуда возникла такая утка, но все на полном серьезе спорили, в какую клинику он лег на операцию. Минут через пятнадцать появилась голограмма с остроносой мордочкой методистки кафедры. Она известила, что сегодняшняя лекция отменяется по причине внезапного отъезда Игоря Натановича. Также единодушно, как пришли к выводу о модификации, все сразу озлобились на Крюка, будто он в чем-то их предал.

– Ну, теперь он станет таким, как все, – доносилось с разных сторон, и ребята расходились с кислым минами. Татьяна двинулась вслед за группой.

Проходя мимо кафедры лингвистики, она остановилась. Дверь была приоткрыта, из кабинета на пол падал свет. Весь день из головы не выходила голограмма, где на столе Крюка лежал снимок таблички. Голограмма свежая, значит, есть шанс, что снимок до сих пор там. Татьяне хотелось увидеть его воочию, чтобы убедиться, что табличка – не выдумка.

– Тань, ты чего застряла? – позвала однокурсница.

– Вспомнила, что нужно зайти на кафедру, – сказала она. – Не ждите меня.

Махнув на прощание рукой, однокурсница скрылась в лифте. Татьяна толкнула дверь и вошла в просторную комнату с сенсорным столом, где раскинулся макет студенческого городка. Та самая методистка, которая известила об отмене лекции, держала в руке включенную игровую деку. Узкие глазки внимательно разглядывали стартовое поле игры в твинс. Таблица с вертикальными и горизонтальными колонками парила в воздухе и предлагала квесты из разных эпох. Выбрав квест, и подтвердив соединение игровой дека со своим IP-комом, игрок виртуально попадал в выбранный исторический период. Это и поражало в твинсе: вот ты сидишь дома на диване, а через секунду уже глотаешь дорожную пыль, поднятую римской колесницей. Удивительные приключения и невообразимые эмоции – яркая, увлекательная жизнь, которая доступна тем, кто адаптировал свою нервную систему для полного погружения в виртуальную реальность. Именно на такую модификацию Татьяна и потратила свой базовый пакет «модекс», выданный государством. В твинсеначисто стиралась грань игрок-герой-мир и среди твинсманов уровня preliminary ходили жуткие истории о твистанутых: игроках, не вышедших из игры. Хотя никто толком не знал, что это значит. Не удивительно, ведь стартовые уровни – для салаг и розовых пони. Татьяна уже перешла на advanced и начала понимать в чем дело: чем сложнее уровень, тем более жестокими становились задания, а проникновение игры в создание игрока – реалистичнее. Зато играя в высшей лиге можно неплохо заработать. Именно с

игровых денег Татьяна рассчиталась за взятую в кредит деку и выкупила свой аккаунт, а теперь понемногу откладывала для матери на модификацию.

Методистка была так увлечена, что не отреагировала на появление Татьяны.

«Нормально она тут время проводит, не перерабатывается», – подумала она с усмешкой и вновь взглянула на таблицу твинса. Хм, что-то в таблице было не так. Татьяна не могла с ходу понять, что именно, но улавливала отхождение от стандарта. Зеленое поле уровня *eliminary*, поделенное на ячейки с названиями, которые не имели между собой ничего общего... Вроде все нормально, но ненормально.

– Умеете в такую играть? – неожиданно спросила методистка, посмотрев на нее поверх очков. На вид ей было около пятидесяти и сильнее всего она напоминала ученую крысу.

– Приходилось пару раз.

– Я про нее раньше только слышала, – поделилась методистка. – Конфисковали деку у одного из студентов, оставили пока здесь. Вот, решила сыграть и ничего не понимаю.

– Ничего сложного, – сказала Татьяна, подходя ближе. – Выбираете закладку, кликаете и попадаете в игру. Что вас интересует?

– Даже не знаю, – с сомнением произнесла методистка. – Вы во что играли?

«На этом уровне во все», – едва не сказала Татьяна, но сдержалась. Прочитала названия: «Молот ведьм», «Надеть шири», «Курск». И ячеек не двенадцать, а тринадцать!

– Подождите! – вырвалось у нее. – Это не *preliminary*. И даже не *advanced*...

Теперь она поняла, что не так в этом твинсе: это были темы незнакомой лиги.

– Откуда вы знаете? – спросила методистка.

– Названия. Таких нет. И сама структура. У кого вы взяли игру? Чей это аккаунт?

– Студента третьекурсника с философии. У него случился приступ эпилепсии прямо на семинаре, его увезли по скорой в больницу. Кое-как отсоединили от деки и передали устройство на кафедру. Наверное, побоялись отвечать за такую дорогую вещь.

Татьяна вглядывалась в поле твинса. Может, пиратская версия? Странно. Все квесты уровня были связаны с чем-то не просто трагическим, а смертельно опасным, причем смерти подразумевались не легкие. Этот студент-философ странный игрок... И приступ у него странный, уж не из твистанутых ли он?

– Я думаю, может выбрать «шири»? Судя по названию, это что-то восточное, – сказала методистка. Ее палец с надетым на него специальным чехлом уже потянулся к ячейке к этим названием.

Татьяна бросилась к ней и оттолкнула, так что женщина едва не упала со стула. Таблица твинса погасла.

– Ненормальная?! – вскрикнула методистка.

– Не надо «шири», – тяжело вздохнула Татьяна.

– Почему?

– Это... плохо.

Методистка смотрела на нее выжидающе.

– Было такое племя жуаньжуани – одно из ответвлений тюрков. Особенно жестоко это племя обращалось с пленными. Для того чтобы превратить человека в идеального раба, не помышляющего о восстании и бегстве, ему отнимали память путем надевания на него шири. Для процедуры выбирались молодые и сильные воины. Сначала несчастным начисто обривали головы, буквально выскабливали каждую волосинку. Затем забивали верблюда и отделяли наиболее плотную, выйную часть шкуры. Поделив на части, ее нахлобучивали на головы пленных. Шкура, словно пластырь, прилипала к свежесбриту черепа людей. Это и означало «надеть шири». Затем будущим рабам надевали на шею колодки, чтобы они не могли коснуться головой земли, связывали руки и ноги, вывозили в голую степь и оставляли там на несколько дней. Под палящим солнцем, без воды и пищи, с постепенно высыхающей шкурой, стальным обручем

сжимающей голову, пленники чаще всего погибали от невыносимых мучений. Уже через сутки жесткие прямые волосы невольников начинали прорастать, иногда они проникали в сыромятную кожу, но чаще загибались и вонзались в кожу головы, причиняя жгучую боль. В этот момент пленники окончательно теряли рассудок. Только на пятые сутки за несчастными приходили жуаньжуани. Если хотя бы один из пленников оставался в живых, это считалось удачей.

– Откуда ты это знаешь? – изумленно спросила методистка.

Татья сухо улыбнулась:

– В книге прочитала у Чингиза Айтматова. У него есть легенда о манкурте – пленнике жуаньжуаней. Она имеет историческое основание. Манкурт и есть тот, кто выжил после «шири». Его уже сложно назвать человеком. Это существо, не обремененное сознанием собственного «я», привязанное к хозяину, как собака. Его единственная потребность – пища. Он равнодушен к другим людям и никогда не помышляет о бегстве. Поэтому, я думаю, в квесте «надеть шири» не будет ничего хорошего.

В глазах методистки появился страх.

– Спасибо, – пробормотала она, опустив голову и торопливо убирая игровую деку в стол.

– Меня больше интересует, как вы смогли загрузить чужой твинс?

– Он был включен.

Татья подумала, что это подходящий момент, чтобы попросить методистку об одолжении.

– Собственно я зашла на кафедру по делу, – начала она. – Игорь Натанович просил меня взять у него из стола одну вещь... Она нужна мне для подготовки к диплому, – Татьяна замолчала, ожидая допроса с пристрастием.

– Берите, – равнодушно ответила методистка.

– А... – она решила, что ослышалась.

– Что? Не знаете, где его стол? Вот он, – женщина показала на широкий стол у окна.

– Да, спасибо.

В любой момент, ожидая что методистка передумает, Татьяна подошла к столу Крюка. Неуверенно передвинула аккуратно разложенные предметы: кожаный чехол для мини-проектора, пенал, стопку прозрачных пластиковых табличек для записи лекций. И как начать рыться в столе?

– Я оставляю вас ненадолго, – сказала методистка. – Так разволновалась из-за этой игры, пойду умоюсь.

– Хорошо, – кивнула Татьяна, думая о том, что такого везения не бывает.

– Если уйдете до моего возвращения, закройте дверь, – добавила методистка уже с порога.

Оставшись одна, Татьяна некоторое время прислушивалась к удаляющемуся стуку каблучков, затем начала торопливо просматривать ящики стола. Блокноты, исписанные его широким почерком, портсигар с душистым табаком, хотя Крюк давно не курит, пособия и методички, тысяча и одна всячина... Рисунка таблички не было.

* * *

– Мам, это я, – крикнула Татьяна, зайдя в квартиру.

Ей ответила тишина. Странно, обычно в это время мать дома.

– Ты дома? – спросила она.

И вновь тишина. Положив сумку на пол у порога, Татьяна скинула туфли и заглянула в материну комнату. Стенки шкафов были отодвинуты, одежда валялась на полу небольшой кучей, наверху которой лежал воротник из искусственного меха, заканчивающийся с одной стороны остроносой мордочкой лисы. Мутные стеклянные глаза смотрели без всякого выра-

жения. Почему вещи разбросаны? Что это значит?! Неужели кто-то из материнных собутыльников их обокрал?! Да что брать-то! Разве только игровую деку...

Чувствуя в груди холодок страха, Татьяна почти бегом направилась в свою комнату, но остановилась как вкопанная возле кухни. Из-за двери виднелась рука лежащего на полу человека. Скрюченные пальцы вцепились в выступ порога, будто хотели перелезть через него.

Воздух вдруг стал дремучим, холодным, а ноги налились свинцом. С трудом передвигая их одну за другой, Татьяна сделала несколько шагов к кухне и увидела лежащую лицом вниз мать. Ее халат некрасиво задрался, обнажив опутанные сеткой вен ноги, разметавшиеся седые волосы напоминали пепел.

– Мам, – позвала Татьяна и вздрогнула от звука собственного голоса.

Мать не пошевелилась.

Чувствуя подступающую дурноту, Татьяна подошла к ней ближе. Наклонилась, перевернула и с криком отпрянула: глаза широко открыты, лицо и пол вокруг испачканы в блевотине. Мать была мертва.

Глава 7. Лео

Город-муравейник Верхняя Эллада, планета Марс

Она вскрикнула. Выгнула спину как кошка, задрожала и с протяжным сладким стоном легла Лео на грудь. Обессиленная, вся блестящая от капелек пота. А ведь недавно напоминала глыбу льда – непробиваемую, холодную, неживую. Лео крепче сжал ее ягодицы, отдаваясь пульсации и ритму, пока сам не захлебнулся волной удовольствия.

– Бестужев, а ты действительно хорош, – чуть позже сказала Тина, лежа рядом на скомканных простынях.

– Надеюсь, как астробиолог и технарь окажусь не хуже.

Лео провел пальцем по ее бедру, рисуя замысловатый узор на влажной разгоряченной коже. Оставленные линии светились тусклым сиреневым светом. Тина Иприкян вся светилась, куда не дотронься, что в полумраке спальни добавляло ее образу некой магии.

– Что за модификация? – спросил Лео, начертив на ее животе сердце, в центре которого заключил ложбинку пупка.

– Я бы сказала, что обычная люминесценция кожных покровов, но это не так. Называется «Шахерезада», работает только в момент сексуального возбуждения.

– Красиво. Мне нравится.

Рисунок под его пальцами угас. Удивительно как быстро женщины способны менять настрой! Вот Тина уже встает с кровати, с раздражением накидывает на плечи белый атласный халат. Подкуривает длинную тонкую сигарету и усаживается на широкий подоконник перед панорамным окном. Поджигает под себя ноги и кладет ладонь на острые колени, халат открывает небольшую упругую грудь. Лео заложил руки под голову, наблюдая за тем, как она курит. Нет, он не любовался, просто смотрел. У него было немало женщин: красивых и не очень, мягких и жестких, но такой фантастически богатой и властолюбивой стервы еще не попадалось. Лео задумался: каково это быть наследником целой империи? И сам себе ответил: это значит бороться с другими наследниками – пока их не останется.

– И как вы живете в своих норах под землей? – брезгливо передернула плечами Тина, когда Лео подошел к окну. – Здесь хотя бы солнце видно, и небо настоящее, а не голограмма на панели. Убожество, прости господи.

– К этому быстро привыкаешь. Зато, если случится поломка купола, то Нижняя Эллада не пострадает. Каждый тоннель и жилой кластер герметичны, радиация тоже не страшна, провиант и вода имеются. Выходы на поверхность Марса и в космопорт наличествуют. А вот людям наверху придется несладко.

– Ой, не надо лекций, доктор Бестужев. Я знаю, где здесь стоит каждая перемычка и переборка. И знаю, что купол – вечен.

– Тоже самое говорили о башнях терраформа. Думаю, что древние марсиане не зря строили свои города именно так.

– Может, поэтому они все передохли? – усмехнулась Тина, выпустив струйку дыма. Та наткнулась на стекло и расплылась по прозрачной глади.

За окном готовилась ко сну Эллада. Одна за другой гасли сферы бизнес-центров, на смену им загорались прямоугольниками окон жилые дома. Редкое здание здесь было выше десяти уровней – оптимальная высота для этого региона долин Маринера, по мнению проектировщиков и геодезистов. Зато все здания аккуратные, белые, спиралевидные или полукруглые – как игрушечные. Окаймлены зеленью молодых сосен и неприхотливых кленов, окружены зеркальными дорогами и серыми мостовыми. То там, то тут зажигались одинокие фонари, льющие холодный свет на тротуары и фасады домов.

Но что по-настоящему прекрасно, так это марсианский закат.

В серо-оранжевом небе бледное солнце казалось диском из червонного золота. Багрянец разлился ближе к горизонту, и теперь облака превратились в фиолетовые тени, которые сгущались над горным хребтом близ каньона Ио. К этому времени Фобос уже горел высоко в небе, этот спутник успевал дважды за сутки показать испещренный кратерами бок. А вот его брата, Деймоса, сегодня не увидеть – ему требуется более тридцати часов, чтобы снова взойти на востоке. Если не обращать внимания на перекрытия купола, то вид можно назвать безупречным.

– Ты хотел бы жить в Верхней Элладе? – лениво спросила Тина.

– Нет, – соврал Лео. В свое время он пытался переехать, но не вышло. И дело было даже не в деньгах. В Верхней Элладе нельзя купить жилье, не получив специального приглашения.

– Подумай над этим. Если не облажаешься с миссией в Лабиринте Ночи, то зеленый свет будет гореть чаще. Главное, чтобы все прошло гладко.

– Насколько гладко?

Он притянул Тину к себе, ее ноги крепко обхватили его талию. По коже побежали сиреневые вспышки.

– Очень гладко...

* * *

С рассветом три груженных оборудованием ровера выехали в голую тишину красной пустыни. Белые шестиколесные машины с горящей синей надписью «Центр ГЭК» уверенно двигались прочь от шлюза купола, оставляя позади облака грязно-коричневой пыли. На платформах были закреплены ящики и экзогоды, на крышах раскрылись лепестки солнечных батарей. Лео сидел в кабине первого ровера. Всего экспедиция насчитывала двенадцать человек. Трое из них – силовики из службы безопасности «Центра», занявшие места водителей, остальные – археологи и ученые. Для чего понадобилось тащить с собой вооруженных людей, Лео толком не объяснили. Джон Митчелл говорил о черных археологах и других неприятных личностях, встречи с которыми могут закончиться плачевно. Черные копатели не такая редкость на Марсе, желающих сколотить состояние на контрабанде артефактов предостаточно. Однако все они шарахались «Центра» как черт ладана, посему Лео заключил, что первый заместитель явно перестраховывается.

Густой молочный туман – обычное дело в долинах Маринера. Стоило отъехать от шлюза всего на километр, как роверы утонули в его плотной завесе.

– Чертовы туманы, – пробурчал Стас Войкин, сбавляя скорость. – Если не развиднеется к тому времени, как съедем с равнины, то придется переждать. Не хочется слететь в овраг и получить разгерметизацию корпуса. Эй! – обернулся он к сидящим в салоне археологам. – Сильно там не расслабляйтесь. Шлемы держите под рукой.

– Никаких остановок, – возразил Лео. – Нужно успеть попасть на место и разбить лагерь до заката. Будем ориентироваться по приборам. А если вы не в состоянии разобраться с картой, то могу сам сесть за руль.

Губы Стаса скривились в усмешке, взгляд желтых глаз безразлично смотрел в туман. Этот высокий, облепленный мышцами человек с глазами как у ящерицы, с мелкими острыми зубами хищника сразу не понравился Лео. Не понравился и пункт инструкции, в котором говорилось: в экстренной ситуации командование экспедицией перейдет к старшему служащему Войкину. Проблема в том, что на неприветливой поверхности Марса под «экстренной ситуацией» можно понимать что угодно.

А теперь безопасник и вовсе говорил о возможной аварии так буднично, словно в ровере сидят не люди, а роботы. Еще и раскомандовался. Типичное поведение силовиков. Так же вел себя Егор, чем доводил Лео до белого каления. Прямолинейность, грубость, склонность

к агрессии, равнодушие к чужой боли и физическому насилию – все это брат имел в полном комплекте. Порой Лео удивлялся, как такое возможно, ведь они близнецы! А потом понимал, что стоит благодарить природу за то, что вопреки внешнему сходству по характеру они совершенно разные. Поэтому, как только ему исполнилось шестнадцать, и он получил право самостоятельно использовать базовый пакет «модекс», Лео первым делом изменил внешность, постепенно доводя облик до совершенства.

Конечно, подготовка к полету на Марс внесла коррективы, пришлось заново перекраивать тело. Вместо утонченной фигуры юного Аполлона, Лео обзавелся рельефом мышц. При низкой силе тяжести в 0,38 g мускулатура быстро атрофируется, а введенный «NTex 7» держит мышцы в тонусе и синтезирует белок, так что надобность в тренажерах отпадает, хотя медики и рекомендуют два раза в неделю посещать зал для проработки всех групп мышц и особенно позвоночника.

С внутренними органами тоже пришлось повозиться. И если первые поселенцы были вынуждены постоянно проходить лечение, то начиная с 2089 года, всем колонистам Марса вживляли ген рыбы *Danio rerio*¹⁰ для лучшей регенерации. Почти девять месяцев Лео провел в клинике, пока его организм привыкал к изменениям. Не все способны принять улучшения, самое страшное, что может случиться, – отторжение. Каких-то пятьдесят-шестьдесят лет назад люди нередко умирали в клиниках, либо становились калеками. Лео повезло, он родился в эпоху расцвета генных модификаций, а значит готов к изменениям. Следующее поколение вовсе станет тратить на восстановление недели. Кто знает, может, это будет поколение людей, генетически модифицированных еще на стадии эмбриона. Новый биологический вид. Совершенный.

Солнце быстро поднималось. Какое-то время туман сопротивлялся: растекался по изъеденной трещинами земле и ключьями вис на скалах, но потом ретировался. Растаял, будто злой дух с наступлением дня. Через четыре часа пути роверы наконец достигли хребтов Лабиринта Ночи. Одиннадцать километров – такова высота нагорья с его крутыми обрывами и полыми склонами, с серыми наростами застывшей магмы и окаменелыми слоями вулканического пепла.

На приборной панели раскинулась голографическая карта, где возле разлома пульсировала красная точка – место гибели группы археологов из первой экспедиции. Лео отметил, что его люди нервничают. Это чувствовалось в голосах, нервных, резких смешках. Археологи трепались о чем угодно, только не о лагере. Лишь безопасник Стас Войкин оставался спокойным, на его бледном лице читалось полное безразличие. Лео не ощущал ни страха, ни волнения, только печаль. И чем ближе они подъезжали к месту гибели Иры, тем сильнее щемило в груди. Он так давно отодвинул Иру подальше от своей жизни, что весть о ее смерти была воспринята спокойно. И только здесь, среди песков он стал осознавать, что ее больше нет и никогда не будет.

Машина остановилась на краю ущелья, мощные колеса зарылись в песок. Красная точка мигала совсем рядом. Стас Войкин повернулся к Лео, холодный взгляд желтых глаз выражал немой вопрос.

– Приехали, – подтвердил Лео. – Разобьем лагерь здесь.

С заднего сиденья послышалось сопение и тихие перешептывания.

– Не самое лучшее место, – пробурчал старший археолог Тихонов. – Надо взять хотя бы на пару кэмэ западнее, здесь сейсмоактивная зона.

– Или поставить два лагеря, – вклинилась Марина, молодая рыжая помощница Тихонова.

– Будем следовать указаниям «Центра», – отрезал Лео и кивнул Стасу.

¹⁰ *Danio rerio* – генетически модифицированная аквариумная рыбка со способностью к регенерации органов, является модельным организмом в биологии развития.

Войкин включил рацию, рывкнул:

– Все. Приехали. Выходим и разбираем лагерь.

Лео надел свой шлем, тихо щелкнули застежки. Несколько секунд ощущался спертый воздух душной кабины ровера, а затем система подала кислород. Потянуло жженым пластиком и медью – так пахнет новье. Выданная «Центром» экипировка Лео понравилась. Сделанный из легчайшей наноткани белый скафандр с синими полосами вдоль рук и позвоночника, с эмблемой «Центра» на груди – надпись «ГЭК» в обрамлении звезд. Встроенный компьютер следил за жизненными показателями хозяина, фильтровал воздух, и в случае надобности подавал воду через трубку гидрататора. Вовремя извещал о необходимости замены «патронов» системы жизнеобеспечения и снабжал информацией. Последнее было не менее важно, ведь вдали от вышек связи встроенный в сознание ИР-ком не работал, а пользоваться коммуникатором неудобно, если руки заняты.

Люди принялись стаскивать ящики с платформ роверов, что при низкой гравитации давалось легко. Грубые протекторы шин оставили шрамы в ржавых песках, и узор можно было проследить до самого спуска. Ветер поднимал пыль, играя вихрями вокруг машин и аккуратно засыпая колеи. Пока ученые возились с оборудованием, трое безопасников держались в стороне, осматривая округу. Их атмосферные скафандры были черными, с пластинами брони на груди и спине, с серебряными эполетами на плечах. За спинами у каждого по импульсной винтовке, разгрузочные пояса утыканы запасными магазинами и трубками сигнальных шашек.

На Лабиринт Ночи плавно опускались сумерки. Тени сделались вытянутыми, а едкие цвета марсианского ландшафта приглушенными, будто кто-то потянул ползунок яркости к знаку «минус». Два баббл-тента и лабораторный модуль белели подобно снежным островам в сизом дыхании вечера. Роверы припарковали поодаль, рядом с роботами и экзоходами, а по периметру безопасники поставили прожекторы. Археологи заметно нервничали. Близость могилы коллег напрягала, и Лео подозревал, что именно по этой причине Тихонов настаивал на переносе лагеря. Неужто суеверен? Сам Лео суевериями никогда не страдал, и как только закончил с настройкой оборудования, первым делом пошел на восток. Туда, где когда-то стоял лагерь Иры.

Он спускался по пологому склону, из-под подошв ботинок летели мелкие камешки и катились в расщелину. Позади немой тенью следовал Стас Войкин. Безопасник держался на приличном расстоянии, но Лео все равно напрягался. Как не напрягаться, когда у тебя за спиной шагает вооруженный тип, чьи модификации предназначены для слежки и убийств?

А вот и место дислокации лагеря Иры. На растрескавшейся бурой земле лежали погнутые стойки прожекторов, под ботинками хрустел битый стеклопластик ламп. Белые лохмотья, оставшиеся от баббл-тента, напоминали призраков, молчаливо наблюдающих за Лео и Войкиным.

Посреди поляны возвышался обтесанный камень в форме звезды. В центре горела табличка с именами погибших археологов.

Лео сел на землю, уперев локти в колени и глядя на каменную звезду. Краем глаза заметил движение – это Войкин присел на корточки.

– Оставьте меня одного. Хоть ненадолго, – раздраженно бросил Лео.

Видимо даже у вояк есть понимание: кивнув, Стас ушел из поля зрения.

Взяв в кулак песок, Лео просыпал его тонкой струйкой. Перед глазами возник пляж, и мальчишечья фигура Иры, идущая вдоль кромки моря. Она любила собирать ракушки, как люди собирают грибы и ягоды; она таскала их домой, часами сортировала по цвету и размеру, раскладывала по бумажным мешочкам и теряла к ним интерес. Пакеты с успехом забывались в номерах гостиниц, на террасах, в шкафах и за кроватью.

Еще она любила кофе латте, сама его варила и рисовала на молочной пенке знаки, похожие на иероглифы. На вопрос Лео, что это, отвечала, что часто видит во сне эти знаки, и представления не имеет об их значении.

– Возможно, это самая главная загадка в моей жизни, которую предстоит разгадать, – говорила она, и в глазах появлялся страх перед чем-то предопределенным.

Разжав ладонь, Лео высыпал остатки песка: нашла ли она ответы? Ему было жаль, что они отдалились, что он уделял ей так мало времени... Он вдавил ладонь в землю, так, что остался отпечаток, тихо сказал:

– Прости меня, ты умела прощать...

В горле запершило. Кашлянув, он встал. Еще раз, уже без всякой цели, обошел разрушенный лагерь. Он говорил себе, что Ира не страдала и смерть настигла ее быстро, не терзая болью. Из рапортов и отчетов он знал, что в ту злополучную ночь случился оползень, и раскоп был засыпан камнями. Подземные толчки спровоцировали обвал скалы прямо на лагерь. Генератор вышел из строя, баббл-тент получил разгерметизацию... Все археологи задохнулись в ядовитой атмосфере Марса. Глупо. Как же глупо! Для Иры ничего не было важнее Марса, собственная жизнь всегда была для нее на вторых ролях. А горячо любимая планета убила свою почитательницу, как злое божество приспешника.

Лео непроизвольно потянулся к коммуникатору, чтобы перечитать ее последнее сообщение и тут же одернул руку. Нельзя! Войкин рядом, затаился в сумерках, не отводя от Бестужева пристального взгляда желтых глаз. Впервые с начала экспедиции кольнула догадка: «А что, если Войкин здесь не ради безопасности, а чтобы следить за мной?» О присланном Ирой сообщении: «Я всегда знала, что разгадаю эту тайну!» и фото окаменелой кисти, сжимающей какой-то светящийся огрызок металла, Лео никому не сказал. Он увидел сообщение уже после того, как узнал, что она мертва. Рассудив, чем это может для него обернуться, Лео решил промолчать. Ведь в «Центре» могли счесть фотографии подделкой, а сообщением бы заинтересовалась полиция. Начались бы допросы, вызовы, на его имя могла пасть тень. И это в момент, когда решался вопрос о входе в высшие эшелоны власти «Центра». Совсем ненужная слава, пагубная.

Лео встал, отряхнул скафандр от вездесущей пыли, и побрел обратно к лагерю. Завтра предстоит трудный день, придется выложиться на все сто, чтобы угодить Митчеллу и Иприкян.

Он медленно поднимался по пологому склону. Коммуникатор с сообщением Ирины жег нагрудный карман.

Глава 8. Егор

Метроплекс Москва-Сити, планета Земля

– Пойдешь один? – спросил Кротов.

Егор отбил пальцем дробь по обтянутому кожей рулю.

– Ага. Две ищейки – явный перебор, он и так дерганный.

– И где только находишь таких знакомцев? – усмехнулся Дима.

– Даже не спрашивай.

Застегнув серую ветровку, которая скрыла от посторонних глаз оружие и форменную футболку, Егор вышел из машины. Суматоха вечерней Москвы тут же поглотила его, превратив в тень, блуждающую среди тысяч подобных. Дождь моросил по навесу уличного кафе с дешевыми пластиковыми столиками, мерно капал на брусчатку тротуара, растекался по лобовым стеклам авто. Перескакивая через лужи, Егор перешел дорогу и двинулся в переулок. Восемнадцатый дистрикт – не самое распрекрасное местечко окраины, здесь слишком мрачно, слишком тоскливо. А с наступлением сумерек еще и не безопасно.

Люди спешили по своим делам, прячась под разноцветными зонтами не столько от дождя, сколько от удушающей атмосферы района с его облупленными серыми зданиями и горящими неоновыми рекламными баннерами, обещающими прекрасную жизнь. Обещающими кому-то другому, не им. Егор шел, сунув руки в карманы и не глядя по сторонам, однако цепкий взгляд подмечал мелочи. В привычной вечерней суете он видел, как просыпалась вторая натура восемнадцатого дистрикта, живущая по законам улицы. Человек далекий от подобных правил никогда не заметит карманника, со скупающим взглядом выискивающего зазевавшегося пиджака, не обратит внимания на ошивающегося в переходе лепрекона – дилера, чья нашивка на куртке в виде клевера намекает на определенного сорта товар. И тем более не найдет торговцев нелегальным нанотеком.

Мастерская «Автодель» приросла к подземной парковке между двумя высотками, стоящими клином. Мягкий знак на светящейся вывеске погас, и теперь просто чернел на яркосинем фоне. Возле входа подпирал стену здоровяк, на лысом черепе которого красовалась татуировка в виде раскрывшей капюшон кобры. Громила проводил Егора колючим взглядом, когда тот вошел в душную, пропитанную запахом машинного масла мастерскую. Со всех сторон слышался лязг металла, где-то тихо работал генератор. Над раскуроченной машиной склонились двое в синих комбинезонах, из смотровой ямы доносилось жужжание инструментов. Пройдя внутрь, Егор наткнулся на еще одного любителя стероидов с такой же татуировкой на выбритом затылке, как и у парня возле входа.

Громила преградил путь, на суровом лице появилась несуразная ухмылка.

– Чего надо?

– Я по делу.

– Ну, так говори, что ремонтируем? Проводка полетела или какую приبلуду поставить надо? Что за тачка?

– Мне нужен Хамелеон.

Здоровяк недобро зыркнул на Егора.

– Ты ошибся адресом, нет здесь таких.

– А если хорошенько подумать?

– Ты явно не из нашего дистрикта. И больно любопытный. Катись-ка отсюда.

Лысый мордоворот двинулся на Егора, всем видом показывая, что готов переломать ребра и вышвырнуть из мастерской. Четверо парней в синих комбинезонах оторвались от дел и похватили монтировки, решив присоединиться к веселью. Егор спокойно наблюдал, как они скалятся, будто шакалы, и берут в кольцо. В уме он прикидывал, как быть. Расстегнуть

ветровку и показать удостоверение сотрудника отдела БНМ – не вариант. Так он подставит Хамелеона и потеряет ценного информатора. Вырубить этих негостеприимных козлов? Ему бы хватило пяти секунд. Выхватить пистолеты, сменить магазины с импульсными патронами на паралетик, и отправить противников в глубокий сон.

По ладоням разошелся жар – биометрические пластины накалились, готовясь принять оружие...

Нет. Стрельба ничего не даст. Ничего, кроме проблем.

Егор примирительно поднял руки.

– Ладно-ладно, парни. Не горячитесь, уже ухожу.

Парни заржали.

– Давай! Вали отсюда!

Отходя к двери, Егор не выпускал лысого и комбинезонов из поля зрения. Нет гарантий, что кому-то из этих сорвиголов не захочется почесать руки напоследок, в восемнадцатом дис-трикте уважают силу, а не закон.

– Эй! Что вы тут устроили? – послышался писклявый голос.

Хамелеон стоял рядом с битым «мерседесом», скрестив длинные руки-прутики на груди, и жевал жвачку. Выпученные глаза с черными полосками горизонтальных зрачков казались на худом лице огромными, будто выпали из орбит, а обратно их забыли вставить. Зеленый ирокез зарыбил и сменил цвет на синий – в тон «мерседеса».

– Ну, чего пялитесь? – нахмурился Хамелеон. – Хотите всех клиентов мне распугать?

Погоняв жвачку во рту, дилер надул большой желтый пузырь, и когда тот лопнул с глухим «бабах», Хамелеон кивнул Егору:

– Идем.

Узкий коридор привел к обитой пластиком двери. Когда Егор вошел в каморку, Хамелеон быстро закрыл за ним дверь. Глаза дико вращались, голос сделался совсем писклявым:

– Бес, ты с ума сошел! Какого модификатора ты сюда приперся? Хочешь, чтобы мне башку свернули за то, что с ищейками якшаюсь?! Мы же договаривались, что будем видаться только по сигналу и в определенном месте! Ты совсем...

Дослушивать Егор не стал. Схватил Хамелеона за грудки и хорошенько встряхнул.

– Заткнись. Надо было на сигнал во время отвечать, у меня нет времени ждать. И запомни, дружище, ты до сих пор на свободе только потому, что работаешь на меня. Так что прикуси язык.

– Хорошо, – пропищал Хамелеон, выпучив глаза еще больше.

– Вот и чудненько, – Егор уселся на край стола и обвел взглядом комнату. Ничего особенного, полная хлама каморка, отведенная под кабинет. – Хамелелон, мне нужна информация.

Дилер поправил ворот куртки и недовольно пробурчал:

– Кто бы сомневался... Будь проклят день, когда я связался с ищейкам! Весь бизнес загубите! А мне семью кормить. Малышню на ноги поднимать, о больной матери заботиться... Эх... Во что ты меня втянешь на этот раз, а?

Сетования дилера вызвали у Егора скептическую ухмылку. Хамелеон, он же Геннадий Сидоренко, любил театрально заламывать руки и рассказывать о своих бедах. В прошлый раз говорил о смертельно больном брате, который попал в аварию, а теперь вот: семеро по лавкам да мать-старушка. Не то чтобы у Гены было плохо с памятью, просто он питал страсть к показухе, что неосмотрительно для человека с его родом занятий. Продажа нанотека – препарата, способствующего переносимости модификаций и улучшающего физические данные пациентов, – целиком и полностью сосредоточена в руках государства. А подпольные лаборатории

множат дженерики¹¹. А такие как Хамелеон толкают эту дрянь по низкой цене, набивают карманы и не думают о том, сколько человек отправилось на кладбище, получив отторжение.

– Хамелеон, ты в курсе, что в прошлый раз подсунул мне пустышку?

Дилер хлопнул своими круглыми глазищами, затем хлопнул пузырем жвачки.

– Как?! Не может быть! Инфа про лабораторию была стопроцентная!

– Ага. Только лаборатории там не оказалось, черные медики давно свалили.

– Я предупреждал, что надо пошевеливаться, остальное – не моя проблема.

Егор вздохнул.

– Слушай, не заставляй меня напоминать о том, какие у тебя могут быть проблемы. И хватит уже ломать комедию, раздражает.

Ухватив стул за спинку, Хамелеон подтянул его ближе и оседлал задом наперед. Жвачка отправилась в пластиковую урну, лицо посерьезнело, в голосе больше не слышалось писклявых ноток.

– Как скажешь, Бес. Выкладывай, что у тебя. Помогу чем смогу, ты же знаешь, что проблемы мне не нужны.

– Тебе знакомо имя Валери Соларес?

Дилер пожал тощими плечами.

– Первый раз слышу. Иностранка какая-то?

– Не важно, – ответил Егор. Врать Хамелеон не станет, а знать больше положенного ему ни к чему. Егор достал из кармана коммуникатор и вывел голограмму пакета с травяным составом, рядом с изображением выстроился стройный ряд химических формул. – А эта штука тебе знакома? Ну же, напряги остатки своих модифицированных мозгов.

Пристально всматриваясь в голограмму, Хамелеон машинально провел рукой по ирокезу, тот сменил цвет на кроваво-красный.

– Это не лекарство, как тут сказано. Любой дурак знает, что лечит только нанотек и волшебные пилюли, которыми я приторговываю. А экзотическими травяными составами балуются всякие чудики.

– Знаешь таких «чудиков»?

– Лично не знаком, но наслышан. Эти гады организовали что-то вроде секты и проповедуют свободу от модификаций. Представляешь, как это мой бизнес портит?

– Представляю, – усмехнулся Егор.

– Они называют себя «Легион», несут всякий бред про то, что модификации это не для людей, что человечество губит себя, и тэ дэ и тэ пэ. Я бы на эту хрень внимания не обращал, как и мои партнеры, но ведь люди их слушают! Начинают удалять модификации, соскакивают с нанотека... Понимаешь, о чем я? Оно ведь как заведено: каждый модифицированный должен сидеть на нанотеке до конца своих дней, чтобы не получить отторжение, а эти слазят с крючка. Бес, ты же модифицирован от пяток до кончиков волос, сколько ты тратишь на нанотек?

– Нисколько. Федерации заботится о своих гражданах. Если ты честно трудишься на благо общества и приносишь пользу, то имеешь все.

Хамелеон хотел что-то возразить, но Егор остановил его жестом:

– Я не о морали пришел потрепаться. Где найти «Легион»?

– Точно не знаю, эти сектанты не особо высовываются... Но я слышал, что кое-кто из них ошивается в баре «Робинзон», – Хамелеон расплылся в ухмылке. – У них там что-то вроде точки для сборов угнетенных и обездоленных.

Егор кивнул и направился к выходу.

¹¹ Дженерик – лекарственное средство, состав которого частично или полностью копирует состав оригинального запатентованного препарата.

– Бес, подожди! – окликнул Хамелеон. Егор остановился, обернулся, и тогда дилер сказал: – Слушай, по дружбе говорю... та трава с голограммы. Там указан редкий марсианский гриб... Бес, возможно, ты не за ту ниточку тянешь. Ты должен знать, что иногда с такими штуками передают контрабанду с Марса.

– Например?

– Артефакты, добытые черными археологами.

Егор улыбнулся:

– Спасибо, Хамелеон. Я запомню.

* * *

– Вряд ли артефакты с черных раскопок и порошок из лаборатории как-то связаны, – сказал Дима, когда Егор вел внедорожник через тоннель.

– Почему нет?

– Пока ты тряс информатора, я получил от питерских коллег данные вскрытия Малышева Карла Вениаминовича. Ты был прав, старик насквозь модифицирован, неудивительно, что пришлось за ним побегать. Но есть кое-что необычное.

Егор усмехнулся:

– Ага. Дед, улетающий по крышам, снайпер и взрыв. Куда уж необычнее?

В ответ Кротов лукаво прищурился, в полумраке салона веснушки на его лице превратились в темные пятна.

– А ты включай фантазию, майор Бестужев, и слушай. Судя по данным биочипа, в последнее время Малышев все реже принимал нанотек, скорее всего, старик пытался заменить его травами. Покойный мог приобрести порошок для себя, а заодно продать несколько пакетов. Ты его захлавленную лавку видел? Голову даю на отсечение, что Малышев достал снадобье нелегально. А когда мы появились, старик испугался, поэтому и пытался сбежать.

– Дим, версия на самом деле годная. Но как объяснить убийство Малышева и взрыв в лавке? Кто это сделал и почему?

Димка пожал плечами:

– В любом случае с этим теперь питерским ищейкам разбираться.

В салоне повисло молчание. К этому времени дождь закончился, от луж не осталось даже напоминания. За стеклом мелькали дома и светящиеся витрины магазинов, растворялись в скорости тощие столбы фонарей и оранжевые полосы разметки, светлячками проносились фары встречных авто. Егор следил за дорогой, а сам думал о связи между покинутой лабораторией, о Валери Соларес, засунутой в бочку с кислотой, и старике, чей череп раскроило импульсом. Он искал ответы. Искал и не находил. Осколки. Все события представлялись осколками разбитого зеркала – какой не возьми, порежешь руку, и никогда не увидишь отражение правды. Так и будешь наблюдать отдельные, никак не связанные фрагменты. Судя по тяжелому вздоху и задумчивому взгляду, Дмитрий тоже думал об этом. Напарник теребил пальцами золотистую щетину, которая до сих пор не превратилась в бороду, и Егор прекрасно знал, что так он скрывает нервозность. Да уж, это дело еще потреплет нервную систему.

Красная точка на карте дистрикта, обозначающая бар «Робинзон», мигала недалеко от пересечения Яблоневой и Межпланетной. Егор свернул с шоссе. Черный «Tesla patriot» вильнул направо, триста метров по гладкому иссиня-черному полотну дороги, и снова направо. Припарковав внедорожник рядом с бордовой «хондой», Егор заглушил двигатель.

Через дорогу светила вывеска: «БАР Робинзон», а рядом пальма с попугаем. Судя по тому, что вывеска обычная, а не голограмма, где шумел бы океан, а попугай летал бы над козырьком входа, этот бар – замшелая забегаловка. Глядя на сотканного из светодиодов красного попугая, Егор вспомнил пернатого из лавки. Тогда он поймал птицу, укутал в свою куртку

и отвез домой. Не сразу, конечно. Сначала бедняга исколесил вместе с Егором и Димой полгорода, пока наконец не были улажены все бюрократические моменты и сданы рапорта в Главное отделение полиции Санкт-Петербурга. Только под вечер Егор попал домой и отдал сверток Натке. Как же сестра обрадовалась! Расцеловала, а потом давай носиться как ужаленная: «А клетка?», «А что он будет есть?», «А как его зовут?». Егор остался доволен собой: помирился с сестрой, выполнил обещание, подарив особенный подарок, да еще и птицу пристроил. Хоть что-то в тот день удалось сделать правильно.

Вспомнив взрыв и убийство старика, которое не смог предотвратить, Егор тяжело вздохнул. Кротов ответил таким же болезненным протяжным вздохом и откинулся на спинку кресла.

– Так, давай еще раз прикинем, что у нас есть, – предложил Дима и начал загибать пальцы: – Исчезнувшая нелегальная лаборатория генных модификаций – раз; труп американской журналистки без модификаций – два; пакет с травой, который ничего не дал – три; информация от твоего знакомого о сектантах – четыре.

– Ты забыл про убийство Малышева и взрыв.

– Не забыл. Но теперь это не наше дело, а питерских. Все еще думаешь, что есть какая-то связь со смертью Валери Соларес?

– Не уверен. Просто... – Егор замялся, решая, стоит ли делиться сомнениями. – Просто мне кажется, что старик пытался о чем-то предупредить. Когда я хотел его арестовать, он все твердил, что это ошибка, что я не представляю во что ввязываюсь. Конечно, он что-то знал, и его убили за это. Возможно, изначально хотели взорвать лавку вместе с хозяином, а мы попутали все карты, и убийце пришлось выдать себя. И все же это не значит, что знание старика как-то связано с лабораторией на стройке в Москве. Это выглядит абсурдно.

Димка нахмурил рыжие брови.

– Бес, это вообще никак не выглядит. Абсолютно не стыкующаяся фигня. Ну что? Пойдем, потрясем сектантов?

Как ни странно, бар оказался вполне приличным. Настенные панели в виде шумящих водопадов, россыпь звезд на антрацитовом потолке, тихая лаунж музыка и просторный зал создавали атмосферу некой отрешенности от забот большого мира. Люди сидели за столиками, разбились на стайки по углам и двум барным стойкам. Никто не обратил внимания на вошедших в бар полицейских.

– Два «Бархатных», пожалуйста, – попросил Егор бармена.

Парнишка, на вид лет семнадцати, одетый в тельняшку и пиратскую треуголку, шустро наполнил пивом два высоких стакана. Шапка пены поползла вверх и застыла как раз у стеклянной кромки. Улыбнувшись невообразимо широкой улыбкой, – одного зуба у парня не оказалось, – он поставил пиво на обитую бамбуком стойку.

– Ты же за рулем, – напомнил Дима.

– Включу автопилот. В отдел тоже не поедem, хватит на сегодня, – отмахнулся Егор и глотнул пива. Холодное, с горчинкой.

Он мечтал выспаться. Более того, сон попросту необходим. Егор давно перешел черту, отделяющую обычный недосып от патологии, и понимал, что скоро организм предаст и тогда он ошибется. Он уже ошибается. И сколько еще Кротов будет его прикрывать? От мысли, что придется общаться с комиссаром делалось не по себе. Может ну его? Может действительно взять отпуск? И тут же внутренний голос съязвил: «Ага. Давай, беги от проблем. Брось напарника один на один с этим дерьмом». Егор мучительно вздохнул и сделал внушительный глоток пива.

– Как думаешь, кто из этих граждан сектант? – усмехнулся Дима, окинув взглядом зал. – Кажется твой информатор тот еще урод, наврал с три короба.

– Он бы не стал. Во-первых, ему невыгодно, а во-вторых, слишком меня боится. Надо бы порасспрашивать.

Дмитрий подозвал бармена.

– Малой, ты случайно не знаешь людей, которые терпеть не могут модификации? «Легион» или «Легионеры», слышал о них?

– Знаю, это как бы не секрет, – улынулся парень, показав темную дыру вместо зуба, и с гордостью добавил: – Вадик, хозяин «Робинзона» – легионер. Мы здесь все против того, чтобы уродовать себя поганым ГМО. Вон, видите вип-зону, там, за водопадом? Вам туда.

– Спасибо, малой. Удачной работы, – сказал Дима и обернулся к Егору. – Ну как тебе «сектанты»?

– Неожиданно.

– А ты надеялся увидеть бородатых дедов в рясах? – засмеялся Дима и первым направился к вип-зоне.

Полукруглая стеклянная панель закрывала ложу вип-зоны от посторонних взглядов, подойти можно только со стороны сцены. Кто там сидит – не разобрать. Вода и подсветка панели играли со зрением злую шутку, рисуя нечеткие силуэты, которые тут же распадались туманом. Егор отметил, что музыка стала громче, лаунж сменился танцевальным ритмом, а значит вечер набирает обороты.

У арки вип-зоны встретил хмурый охранник. Хотел было преградить путь, но завидев номера и форму, пропустил, и принял расслабленную позу.

Тому самому Вадиму из «Легиона» оказалось далеко за сорок. Седина уже посеребрила на висках черные волосы. Гладко выбритый подбородок пересекал грубый шрам, жесткие морщины расчертили лоб, и было их многовато даже для не модифицированного человека, отчего Егор пришел к выводу, что хозяину «Робинзона» довелось многое пережить. Вадим расслабленно сидел на мягком синем диване в окружении троих мужчин в деловых костюмах и двух женщин, которых с натяжкой можно назвать спутницами. Скорее – стриптизерши. Из одежды на девушках только набедренные повязки из искусственных пальмовых листьев, да цветы в волосах.

Вадим кивнул девушкам, те поклонились, похватили со стола подносы и выпорхнули прочь, обдав полицейских приторным запахом духов.

– А ничего у этих «робинзонов» «пятницы», – шепнул Димка, облизав масляным взглядом удаляющиеся фигурки девушек, – я б с такими на любом острове потерялся.

Егор ничего не ответил, он все это время пристально рассматривал Вадима, пытаясь понять, что тот из себя представляет.

– Извините, что помешали отдыху, – сказал Егор. – Нам нужно поговорить с хозяином заведения, желательно с глазу на глаз.

– Мне нечего скрывать от моих друзей, – хмыкнул хозяин. – Я Вадим Мерзлов, владелец бара.

– Майор Бестужев и капитан Кротов, отдел по борьбе с незаконными модификациями, – протокольно представился Егор.

Мужчины за столом переглянулись.

– Главное, что не налоговая, – пошутил Вадим, но глаза оставались серьезными. – Пардон, сесть не предлагаю, потому как некуда. Вас ведь никто сюда не приглашал. Знал бы – подготовился.

– А мы самопригласились, – заявил Егор.

– И присядем тоже сами, – добавил Дима.

С наглой ухмылкой на рыжей физиономии Кротов ухватил за спинки два стула, что жались возле столика у входа в вип-зону. Металлические ножки противно царапали стеклянный пол. Вадим Мерзлов скривился. Полицейские синхронно уселись напротив, бесцеремонно подвинув локтями тарелки и фужеры на столе. Оба смотрели на предполагаемых собеседников, взгляды – холодные, тяжелые. Егор прекрасно знал, что сейчас будет, и не ошибся: товарищи

Меозлова стушевались, неуютно заерзали на задницах. А вот Вадим даже бровью не повел. С ним будет непросто, надо выстроить верную тактику. Нельзя ошибиться.

– Может вашим друзьям все же стоит прогуляться по бару? – предложил Егор. – Вижу, что добропорядочным гражданам скучно в нашем обществе. Да и вам могут не понравиться наши вопросы.

Мерзлов развел руками.

– Повторю: мне нечего скрывать, майор.

– Хорошо. Что вы знаете о секте «Легион»?

– Это *не секта*, – нахмурился Вадим. – Мы общественная организация, при которой работает Новая Церковь Чистого Тела и Духа.

– Это что-то вроде пастафарианства¹²? – спросил Егор со всей серьезностью, на какую только был способен.

Шутку Мерзлов не оценил. Сжал кулаки и побагровел. Впервые с начала разговора потерял контроль, и Егор отметил, что это случилось раньше, чем ожидалось. Что ж, тактика выбрана верная, осталось дожать.

По-видимому, Мерзлов догадался, что клюнул на провокацию, и в мгновение ока взял себя в руки. На лицо вернулась ледяная маска, в жестах и позе – расслабленность. Он даже усмехнулся краешком рта, и в этой насмешке слышалось презрение.

– У нас свободная страна, каждый волен исповедовать ту веру, которую считает нужной. Даже если это вера в макароны.

– И каждый волен решать: принимать модификации или нет. Так ведь?

– К чему вы клоните, майор Бестужев?

– Нам интересно, не могут ли верующих принуждать удалять модификации? Или насильно отправлять сектантов на операционный стол? А может...

– Глупости! – перебил Вадим и рассмеялся. Смех тут же подхватили типы в костюмах. – Друзья, вы слышали? – продолжал хохотать Мерзлов. – Какая бурная фантазия! Хорошо, что наша вера прощает подобное неуважение. Если в полиции хотят знать больше, то приходите к нам на собрание, проповедник с удовольствием расскажет о вреде ГМО. Больше мне добавить нечего.

Последняя фраза прозвучала как «катитесь на хрен». Удивительно как быстро Вадиму Мерзлову удавалось менять полярность: то готов броситься с кулаками, то владеет собой не хуже канатоходца.

– Гражданин Мерзлов, позвольте вопрос. Так устроено, что каждый из нас стремится к совершенству, это заложено в наших генах, продиктовано эволюцией. А ваша секта отказалась от модификаций, от совершенства. Чем вы компенсируете эту потерю?

– Чистотой тела и духа. Древние практики монахов Шаолинь и спорт помогают не хуже операционного стола.

«Вот оно что, – мелькнула мысль. – Шаолинь, значит. Теперь ясно, откуда шрам и повадки психопата, который научился сдерживать агрессию. Да ты не так прост, Вадим Мерзлов...»

Егор кивнул Кротову и они направились к выходу. Смысла задерживаться в баре не было, но Дима настоял на еще одном бокале «Бархатного». Привалившись к стойке, они разбирали на атомы недавнюю беседу, и Егор вдруг понял, что его понемногу клонит в сон и нить разговора бессовестно ускользает. Только он собрался выдернуть Кротова, как сцена вспыхнула ярким светом, и зал буквально захлебнулся аплодисментами. Началось вечернее шоу. Музыка

¹² Пастафарианство (Церковь Летающего Макаронного Монстра) – пародийная религия, основана в 2005 году. Получила новый виток популярности в 2043 году, когда некоторые мировые религиозные общины воспротивились приписанию генных модификаций и нанотека к «дарам Господа» и сеть заполнили новые пародии.

стихла, сцену затянуло непроглядным туманом, в нем чудилось нечто колдовское. Послышалась песня. Необычайно притягательный женский голос струился из тумана, обволакивая каждым словом на итальянском языке. Голос невидимой Сирены звучал все громче и громче, он был маяком в затянутом туманом море, он был жизнью в мертвой белой пустоши и пробирал ознобом по коже. Люди заворожено слушали. Егор с Дмитрием тоже с интересом следили за представлением, даже пиво осталось нетронутым.

Теперь к голосу прибавилась музыка: стоны скрипки, плач флейты, властный ритм синтезатора. Голос и музыка существовали отдельно друг от друга, а потом слились в единую песнь тоски и печали.

Заслушавшись, Егор не сразу заметил, что туман рассеялся и певица уже спустилась со сцены и теперь обходит зал. На морской Сирене было платье из серебряных чешуек, голубые волосы ниспадали до талии, на щеке блестела одинокая слеза. Она словно плыла по залу и без остатка дарила свой талант зрителям. А когда она подошла к барной стойке, Егор вдруг почувствовал себя неуютно. Их взгляды встретились всего на секунду, и Сирена исчезла за панелью с водопадом. И в этот миг руку Егора вдруг обожгло раскаленным железом. Ладонь пекло так, что хотелось сунуть ее в ведро со льдом. Он глянул на руку и в недоумении отвесил челюсть.

Что за дьяволыщина?!

На ладони не пойм откуда появилась надпись, аккуратно выведенная чернилами:

«Приходи один». А чуть ниже значился адрес.

Глава 9. Лео

Лабиринт Ночи, планета Марс

– Все бесполезно! – раздался за спиной возмущенный женский голос.

Лео обернулся. Рыжеволосая помощница старшего археолога, Марина Куркова, стояла перед ним, расставив руки, как для драки.

– Мы зря тратим время! Эта земля проклята дьяволом! – заявила девушка.

Остальные археологи молча работали, но Бестужев чувствовал, что этими словами Марина выразила всеобщее неодобрение. В последнее время она вела себя странно: вместо того, чтобы анализировать факты, занималась поиском ответов в религии. Старший археолог Тихонов всячески ее опекал, говорил, что раньше она такой не была. Все началось пару месяцев назад, когда Марина побывала в отпуске на Земле и вступила в какую-то секту. Но это временное явление – заверял Тихонов и просил не ломать «умной и доброй девочке» карьеру, и написать положительную характеристику по окончании миссии в Лабиринте Ночи.

Играть в благородство Лео не собирался. Мысленно поставил галочку, что нужно доложить о словах Курковой в «Центр», ведь рано или поздно кто-то обратит внимание на странные заключения Марины, и тогда возникнет вопрос: почему доктор Бестужев не доложил? Проглядел или, того хуже, разделяет ее бредовые мысли? Он уже подготовил документ, где высказал мнение: Марина Куркова профнепригодна для подобных работ. Графу «дальнейшие рекомендации» Лео вовсе оставил незаполненной, пускай в «Центре» разбираются.

Сейчас в ответ на слова девушки он скептически заломил бровь и спросил:

– Могу ли узнать, на основании каких данных вы пришли к выводу, что вверенный нам участок подвергся воздействию мистических сил?

Услышав насмешку в его голосе, Куркова нарочито вежливо и серьезно произнесла:

– Подумайте сами: по расчетам аналитиков «Центра», мы должны были найти «объект» буквально на третий день. А мы роемся, как кроты уже третью неделю и толку никакого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.